

Одна бывшая жена
Один бывший муж

ЧЕТЫРЕ УГЛА

АННА БЕЛИНСКАЯ

Один бывший друг
Одна бывшая подруга

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Белинская

Четыре угла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69492235

SelfPub; 2023

Аннотация

Она считала, что отпустила прошлое, от которого пряталась четыре долгих года. Прошлое, которое не оставило ничего, кроме ран в душе и сердце, ставшее пустой оболочкой, но сумевшее затянуться грубыми рваными шрамами... Прошлое, забравшее настоящее... Четыре острых угла, образующие единую фигуру, из которой сложно найти безболезненный выход... История о любви: взаимной и неразделенной, история о дружбе и недружбе, история взаимоотношений в семье и о том, как, порой, взрослые меняют судьбы своих детей...

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	22
Глава 3.	28
Глава 4.	37
Глава 5.	46
Глава 6.	56
Глава 7.	66
Глава 8.	78
Глава 9.	87
Глава 10.	95
Глава 11.	108
Глава 12.	115
Глава 13.	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Анна Белинская

Четыре угла

Глава 1.

Покручивая ножку пузатого бокала, в котором на дне переливался неразбавленный виски, Полина наблюдала за шустрым барменом, поглядывающим на нее заинтересованно весь этот час. Он был симпатичным, достойно сложенным молодым человеком с длинными дредами на голове и тоннелями в ушах. И если на такое проявление индивидуальности в Питере она бы не обратила внимания, здесь, в Калининграде, парень выглядел диковинно и экстравагантно.

Полина усмехнулась и опустила голову, давая бармену мнимую надежду на то, что эта холодная, но притягательная особа наконец почтила его персону должным вниманием, когда он и так перевыполнил сегодняшний план по жонглированию бутылками.

Жаль, что скупая улыбка девушки была посвящена ни ему, а надписи на его бейдже, где вместо имени вызывающе пестрело – *Эй, как тебя там?!*

Полина задумалась.

Действительно.

Когда ты только приходишь в бар с целью надраться, чувак за барной стойкой для тебя волшебник или святой, которому ты заглядываешь в рот и ловишь его взгляд, чтобы обратить на себя внимание. А как только всемогущий алкоголь разливает смелость и героизм по венам, так волшебник вмиг бесполом существом становится: без имени и уважения, рассчитывающий разве что на панибратское «эй!» или «слышь!», ну а чаще всего на свист и щелканье пальцами.

– Девушка, можно узнать ваше имя? Я хочу представить его вместе со своей фамилией, – затылка Полины коснулось дыхание.

Она замерла.

Пару раз моргнула.

Всего на секунду сжала ножку бокала, но тут же вернулась в обычное равнодушное ко всему состояние.

Этот глупый подкат... такой привычный и до боли знакомый...

Этот голос...

Лучше бы память его не идентифицировала, но импульсы уже разогнались в крови, запуская необратимый процесс...

Или еще обратимый, пока Полина сидела к голосу спиной. Она его чувствовала кончиками ушей и затылком. Он стоял и ждал, когда девушка к нему обернется, но Полина не торопилась.

И все-таки это была не лучшая идея.

Она уже три дня находилась в родном Калининграде, и за

эти три дня ни единой знакомой души и лица. Забуриться в не самый популярный бар города ей казалось отличным решением, чтобы скоротать этот вечер. Какими бы сложными ни были отношения между Полиной и ее матерью, но сегодняшняя проведенная днем операция у родительницы при всей своей простоте и будничности даже у индифферентной Полины вызывала чувство беспокойства.

И всё же, откуда он здесь?

В четверг, в Богом забытой забегаловке...

В месте, от которого раньше педанта Роберта Гризманна тянуло блевать...

А он ждет.

Стоит и дышит ей в спину.

Интересно, он подошел, потому что узнал ее или неведомо решил склеить подружку на вечер?

Полина сомневалась.

Если обернется, она встретится с прошлым... от которого пряталась четыре долгих года.

С прошлым, утонувшим в крепком алкоголе и беспорядочной связи, от которой до сих пор тошно и гадко. Нарочно с грязью себя смешала, чтобы Он, если бросится ее отыскать, не смог простить, не посмел дотронуться впредь, побрезговал...

С прошлым, которое не оставило ничего кроме ран в душе и сердце, ставшее пустой оболочкой, но сумевшее затянуться грубыми рваными шрамами...

С прошлым, забывшим у нее настоящее...

Три секунды сомнений...

Две...

Одна...

– Неужели это еще на ком-то работает? – повела плечом

Полина и нарочито медленно крутанулась на высоком стуле. – Привет, Роберт.

Нет, он ее не узнал...

Тогда, когда подошел...

Он узнал сейчас, когда вспыхнули его глаза стальным блеском. А разве у Роба были серые глаза? Полина не помнила, какого цвета были глаза Роберта Гризманна. Вернее, даже не замечала...

Она была в плену других – серо-голубых, прозрачных, с синеватыми вкраплениями, обрамлённых темными густыми, но короткими ресницами. Этот контраст светлых волос и темных ресниц и бровей Полину всегда восхищал. Она считала это особенностью. Она вообще считала *ЕГО* особенным...

– П-Полина? – опешив, Роберт судорожно сглотнул имя и смутился.

Качнул головой, словно стряхивая наваждение. Он не верил, что видит ее – Полину Воронцову или...

Или она уже не Воронцова?

Макеева?

Надо же, он помнил ее девичью фамилию...

А, может, за четыре года она снова вышла замуж и носит мужнюю? Чужую...

И она вновь чужая... такие не остаются одинокими...

Гризманн оглядел девушку вновь.

Полина по-прежнему сидела перед ним, забросив ногу на ногу и упервшись локтем в край барной стойки.

Она – не видение... Она... Полина... настоящая и она рядом...

Роберт даже смог среди кабацкой вони, потного смрада, алкогольных выдыхаемых паров и сладких сиропов уловить тонкий, чувственный аромат девушки...

Гризманн разволновался и почувствовал, как перехватило гортань. Провел рукой по затылку.

– Я, – краешком губ улыбнувшись, ответила девушка.

Наклонила голову и в ответ стала разглядывать Роберта Гризманна: статный привлекательный брюнет, черная однотонная рубашка с длинным рукавом. Роберт никогда их не подворачивал. Даже летом. Даже в жару. Моветон, все дела. Побочные эффекты приличия и воспитания в интеллигентной семье Гризманн.

А *Он* постоянно открывал предплечья, накрутив манжеты до самого локтя. Как вахлак. Как человек, выросший в семье простолудин. А для Полины не было ничего сексуальнее, чем жилистые мужские руки. *Его* руки.

Классические темные брюки, заправленная в них рубашка, золотые запонки, начищенные до блеска туфли Роберта

и, как золотая вишенка на торте, – элегантные часы не соответствовали окружению. Гризманн здесь выглядел как дорогой пиджак, наброшенный поверх спортивного костюма.

Нет, ничего не изменилось в личности Роберта: всё тот же интеллигентный педант. Только лицо повзрослело: несколько морщин порезали лоб и утиные лапки появились в уголках глаз, темная густая, но дорого оформленная борода сделала черты лица мужественнее. И стрижка новая. Кажется, новая... Хотя, нет... Не помнила Полина и этого...

– Блин, – выдохнул Роберт, – тупо получилось, прости, – парень покачал виновато головой, усмехнувшись. – Я... просто... черт, – дыхание спёрло. Слова давались с трудом, словно весь воздух и силы из него выкачали. – Я не знал, что... Прости, Полин. Ты... давно в городе? – шумно выдохнул.

Всегда красноречивый Роберт Гризманн, умеющий складно, правильно говорить и владеть поставленной речью, сейчас блеял как двоечник.

– Расслабься, Роб, – вновь натянуто улыбнулась Полина. У нее все эмоции были натянутыми, выжатыми. Естественной выходила всего лишь одна – равнодушие.

Однако, они оба понимали.

Оба помнили, как бы того не хотелось. И это задело Гризманна. Резануло ржавым гвоздем по языку, который хотелось выдернуть, потому что если бы он знал... Если бы знал, что этим вечером встретит Полину, он никогда... никогда бы не подъехал с таким дешевым подкатом подростка, который

когда-то сработал с Полиной...

Только пять лет назад он принадлежал не Роберту, а *Ему*...

Другому она тогда назвала свое имя. *Его* фамилию позже надела.

Роберт не сомневался, что судьба бросает ему второй шанс. Издевательски, с дьявольской насмешкой. Заметила, наверное, старая перечница, как он мучался, как страдал ночами, представляя девушку в объятиях лучшего друга, как изнывал и стискивал губы, когда видел их двоих – счастливых и влюбленных.

И вновь Роберт этот шанс просерает.

Душно от этого стало. Воротник чертовой рубашки стянул.

– Уже... – Полина подхватила телефон и взглянула на время, – ровно 83 часа, – ответила девушка на вопрос о том, сколько времени она находилась в Калининграде.

В этот момент соседний стул освободился, и Гризманн решительно запрыгнул на него. Теперь они с Полиной сидели практически на уровне глаз друг друга, а если немного податься вперед, можно соприкоснуться коленями. От этого понимания Роберта бросило в жар. Мало того, что он не мог ничего связного сказать, так теперь кровь прилила к его лицу, заставляя кожу позорно пылать.

Да что это с ним?

Роберта потряхивало. Точно, как в тот день, когда он

впервые увидел Полину... Это он! Он ее разглядел в толпе серых лиц... Роберт!

А не ...

Дежавю...

Как пять лет назад. Только теперь они с Полиной вдвоем, *Его* рядом нет...

И если это не знак, то...

А если замужем она? Мысли метались в голове парня, перебивая друг друга.

Роберт стремительно бросил взгляд на безымянный палец правой руки Полины, покоящейся на коленях.

Пусто.

Нет кольца, но это ничего не значит.

Ничего не значит, а сердце взволновалось.

Дернулось внутри. Кольнуло.

Четыре с лишним года прошло, а шторит по-прежнему.

Гризманн считал, что упокоился. Год бесился после побега Полины из Калининграда. Целый год как на иголках, и улицы пустые. Без нее они пустые, как и он сам, хотя Полина и не принадлежала ему никогда. К матери ее домой приезжал, адрес в Питере спрашивал, телефон, но та упорно молчала. Кремень женщина, строгая училка.

Не перебесился, значит. Вновь поднялось всё откуда-то, вспомнилось и надеждой заклокотало.

Восемьдесят три часа...

Больше трех дней Полина дышала с Робертом одним бал-

тийским воздухом... Несоленным, холодным и северным... А он просто жил и не знал...

На миг Роберт задумался. Если бы он сразу после встречи с руководителем этого свинарника ушел, судьба покрутила бы пальцем у виска и назвала бы его неудачником. А если они встретились – это непременно знак. Теперь, увидев Полину, Роберт не сомневался в правильности своих действий. Мысль уйти из общего с Воронцовым бизнеса уже несколько месяцев не давала спокойно спать. Нет, он не собирался окончательно рубить канаты, но хотелось начать сначала. Выкупить дешевый захудалый кабак и сделать из него чертову конфету. Их общие с Алексеем Воронцовым клуб и кофейня налажены. Дивиденды никто у него не отнимал, а руки чесались. Чесались всё сделать самому, без гребанной обаятельности Воронцова. Без его налаженных связей и умения влезть в задницу без мыла своей харизматичностью. Он хотел сам. Самостоятельно. Не зря же Гризманн окончил вуз с красным дипломом. А тут вот... Полина вернулась...

– Ты... надолго? – откашлялся в кулак, маскируя волнение.

Как же Роберт боялся задавать этот вопрос. И узнать хотелось до скрежета зубов, и услышать ответ было страшно...

Полина опустила лицо, сжала и разжала кулак. Перевела взгляд на бармена, который поглядывал на нее с осуждением, и вновь посмотрела на Гризманна.

Роберт стушевался, подтянулся, следом сторбился. Он не

знал, как сидеть, куда наклонить голову и как вести себя с ней.

Полина смотрела на него слишком глубоко. Не поверхностно, как раньше. Не как та смущенная непресыщенная девчонка, пряча робкие улыбки и взгляды.

Она смотрела на него как стерва: с поволокой и холодом, самодостаточностью и превосходством. Теперь он чувствовал себя перед ней юнцом, девственником на дискотеке старшеклассников, где твои одноклассницы-одногодки уже везде оформленные девушки, а у тебя брюки из детского мира.

– Не знаю, Роб, – Полина потянулась за бокалом и опрокинула в себя остатки виски. – Я в отпуске и еще не планировала, как буду его проводить.

На самом деле Полина не собиралась вдаваться в подробности, что три дня назад она приехала на родину ради матери. И если бы не сегодняшняя операция на глаза, девушка еще тысячу лет решалась ступить на родную балтийскую землю. Сколько она проведет в Калининграде времени, Полина не знала. За четыре с лишним года она впервые ушла в отпуск, скопивший множество отгулов и выходных, непривычно растягивающих ее будничные дни.

Столько бесполезного свободного времени. Зачем оно нужно? Куда его девать, на что тратить?

На работе не было возможности жить: рутина забрала Полину в рабство, отняв эмоции, чувства и мысли. Так день пролетал незаметно, и сил не оставалось, чтобы думать и

тосковать. А в отпуске сложно. Приходится жить, только бы вспомнить, как это делается...

Гризманн следил за каждым движением Полины, за каждой эмоцией, чтобы не пропустить ничего, чтобы впитать в себя как можно больше, и дома, когда он останется наедине с собой, в душе или же в постели он смог... Зараза.

Это ни черта не по-дружески...

Пока Роберт прикидывал, как сделать так, чтобы отпуск Полины продлился в их родном городе дольше, девушка открыла маленькую сумочку и вытащила пачку сигарет и зажигалку.

Чиркнула и затянулась, не переставая смотреть Роберту в глаза.

Полина редко курила.

В особые нервные моменты, когда равнодушие начинало сбоить. Но сейчас она курила намеренно.

Специально наглядно давала понять Гризманну, что той чистой Полины больше нет. Чтобы не проводил параллели и не сравнивал.

Перед ним другой человек...

– Изменилась? – выпустив сизый дым, Полина сощурила глаза.

Очень!

Роберт очертил круг лица Полины взглядом, с трудом сдерживаясь, чтобы не опустить его ниже, где несказанно манили оголенная шея и вырез белой футболки.

Очень изменилась.

Поля всегда для Гризманна была яркой и привлекающей внимание при всей своей простоте. Интеллигентная, скромная яркость...

Сейчас она ослепляла. Тоже яркостью, но другой: настроенной в фильтре для обработки фотографии. Сделанной, искусственной... Но по-прежнему привлекающей внимания. Он же не прошел мимо. Вновь, как пять лет назад, зацепился взглядом за нее, вычленил, выделил...

Всё внутри Роберта протестовало, вело борьбу друг с другом: не заметить изменений в Полине можно было только слепому.

Она другая... она вся другая.

И дело даже не в том, что ее волосы стали на несколько оттенков темнее, а длина их короче. Совершенно не в том, что черты лица заострились, акцентируя скулы и губы, не в том, что явная худоба позволяет разглядеть каждую выступающую косточку, а голос стал твердым и давящим... Это всё такие мелочи, по сравнению с тем, что взгляд – холодный и уставший, поведение, повадки и пристрастия стали чужими. Перепрошитыми... И это не нравилось Роберту. Но то, как бешено заходило его сердце при этой, другой Полине, говорило, что сердцу плевать, оно выбирает её снова.

– Ни грамма, – соврал Гризманн и улыбнулся. Тепло и уютно. Чтобы дать понять, что зажатая в пальцах сигарета ничего не меняет в его отношении.

– Обманываешь, Гризманн. Но принимается, – возвратила в ответ полуулыбку. Подтянула к себе пепельницу и затушила сигарету.

И вновь напряжение... вновь неправильность и неловкость... Они рассматривали друг друга: Полина – не смущаясь и открыто, Роберт – воровато и скованно. Сердце Гризманна бунтовало. Выпрыгивало.

Взъерошив волосы, Роберт усмехнулся:

– Давай, что ли, сначала? – растянул губы в добродушной улыбке. – Как-то неправильно получилась наша встреча, – замолчал. – Привет?! – приветствие больше походило на неуверенный вопрос, словно Роберт спрашивал разрешения.

Полина улыбнулась. Опустила глаза и только сейчас обратила внимание, как до побеления сжимается ее кулак, упирающийся в бедро.

Сначала... Слово такое страшное... безграничное и объемное... Временем поросшее... судьбами и ошибками – не сотрешь, не выветришь...

Не смей, Полина.

Не смей.

«Но он же ни в чем не виноват», – протестует настоящее.

«Он – часть твоей зачёркнутой жизни», – козыряет прошлое и крыть эту карту видится сложным.

Не начинай... Не возвращайся к началу... ты там уже была и тебе было больно...

– Привет, – на выдохе прошелестела Полина и встрепенулась, оказавшись в плену рук и запаха Гризманна: устойчивого, основательного и резкого.

Когда он успел прижать ее к себе? Стиснул в объятиях и так же стремительно отпустил, возвращаясь на стул.

– Как дела? – поинтересовался Роберт, опьяненный близостью.

Этот неконтролируемый порыв... Он сам не понял, как поддался ему и сжал девушку в руках. Она такая маленькая и жесткая... Натянутая точно вибрирующий нерв.

Черт... теперь он знает, каково это держать Полину в руках, и как теперь с этим знанием спать? Жить?

– Прекрасно, – растерялась Полина, сраженная таким близким приветствием Роба. – Кхм, – откашлялась. – Как ты?

«Зачем? – ругала себя Полина, – зачем она спросила?».

Зачем продолжать выкапывать давно зарытое под мокрой притоптанной землей?

– Я? Тоже, – пожал неуверенно плечами Роберт. Столько всего хотелось сказать, рассказать, а больше выспросить. Узнать у Полины, как жила она эти четыре года, чем дышала. С кем она вернулась домой? Кто ее ждет? По кому скучает? Но разговор не клеился. Напряжение – оно так и маячило между ними. – Тебя угостить? – кивнул на пустой стакан Полины.

– Мне уже пора, Роб, – обвела лицо парня взглядом. –

Спасибо. – Полина действительно собиралась уже домой, дело не в Роберте. Или всё же в нём? Непонятное смятение плескалось внутри: словно ты на пороге чего-то нового, но хорошо забытого старого... Когда и вперед ноги не несут, и назад повернуть – стыдно перед собой. За слабость и трусость.

Девушка смахнула со столешницы пачку сигарет в сумочку и опустила ногу на пол.

– Тебя ждут? – все-таки Гризманн решился задать терзающий его весь вечер вопрос. – Извини, если...

– Я одна, Роберт, – Полина резанула взглядом. Жестким и острым. Отсекла любые последующие вопросы, вкладывая в два слова ответы на них.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга напряженно, пока на лицо девушки ни вернулось бесстрашие. Внутри же Роберта творилось безумие: всё трубило и отбивало бешенные торжественные биты. Одна! Она одна!

– Оплачу? – засуетился Роберт, подзывая бармена.

– Уже оплачено, Роб. Не беспокойся, – Полина легко коснулась запястья парня, останавливая.

Гризманн опешил. Опустил лицо и уставился на пальцы девушки. Кожа под ними пылала. Горела. Прикосновение, пусть неосознанное, заставило Роберта втянуть громко воздух и мотнуть головой, справляясь с головокружением. Ни хрена себе реакция.

– Ты не оставила мне никаких шансов, – усмехнулся па-

рень. Ничего не получается. Ничего! Ни разговор поддержать, ни остановить, ни джентльменом себя проявить. Бетонные стены. Повсюду. – Давай тогда подвезу? Или и здесь мимо? – с надеждой заглянул девушке в глаза.

– Хочу прогуляться, – улыбнулась Полина.

Она не врала. Ей нужно было подумать. Нужен воздух и одиночество.

– Предлагать проводить не имеет смысла, да? – выгнул виновато бровь Роберт, слегка растянув угол губ.

Улыбаясь, Полина утвердительно покачала головой.

– Старею, – усмехнулся Гризманн. – Уже девушку не получается склеить.

Полина расхохоталась. Так искренне и неожиданно, что опешила сама. Резко смолкла и уставилась на Роберта, который, не отрываясь, смотрел на ее губы.

Звук смеха Полины его парализовал. Эта случайная эмоция... такая живая и настоящая.

– Пока, Роберт, – Поля судорожно схватила сумочку и прыгнула со стула.

Грудь ее часто вздымалась.

Плохо. Очень плохо. Нужно покурить. Срочно.

– Полина, – рука Роберта обхватила предплечье девушки. Поля вздрогнула и обернулась к нему. – У меня в субботу день рождения, – смотрел ей в глаза, которые метались по лицу Гризманна. – Я буду рад тебя видеть.

– Роб... – на выдохе произнесла Полина и устало прикрыла

глаза.

– Я понимаю, Поль, – тяжело вздохнул. – *Его* не будет. Не будет, слышишь? – бессознательно крепко сжал предплечье девушки. Потому что опять мешает *Он*. Вновь между ними встал *Он*. – Мы практически не общаемся, – Полина распахнула глаза и непонимающе уставилась на Гризманна. Не общаются? Воронцов и Гризманн – лучшие друзья со времен детских горшков и одной кем-то давно пережеванной жвачки на двоих не общаются? – Приходи, – умоляюще смотрел на Полину. – Шашлыки, свежий воздух, озеро рядом... – приводил аргументы Гризманн.

– Я... не знаю, Роберт, – смутилась Полина. Причин на самом деле было много, и одна из них – послеоперационная мама Полины. Девушка не знала, когда точно выпишут родильницу. Операция не сложная и долго в больнице её не продержат. – Я подумаю.

Роберт мысленно скрестил пальцы. Подумает. Она подумает, и это уже хоть что-то.

– Хорошо. Обменяемся контактами? – Роберта становилось слишком много.

Внутри Полины начинало сбоить.

Это всего лишь номер телефона... всего лишь.

Ничего не случится, если он узнает одиннадцать цифр.

«Случится! – орало нутро. – Ты сама строишь мост между двух берегов прошлого и настоящего. Жги его, жги!»

Полина металась внутренне, но внешне оставалась совер-

шенно безмятежной.

– Диктуй свой, – вытащила из кармана джинсов телефон и оживила сонный девайс.

С неприкрытым энтузиазмом Гризманн продиктовал свой номер, проверяя каждую введенную девушкой цифру, и завис пальцем над экраном, чтобы дождаться и вбить номер Полины.

Однако Полина сохранила цифры и невозмутимо убрала телефон обратно в карман.

– Я тебе позвоню, – *может быть...* Нужно на воздух. Нужно подумать... – Пока.

Перекинув через плечо цепочку сумочки, Полина направилась в сторону выхода, но вновь была остановлена:

– Поля! – окликнул ее Роберт. – Я рад, что ты вернулась, – мягко улыбался парень.

Полина задумалась и... улыбнулась в ответ.

А она? Рада ли?

Мысли в голове девушки бесновались, сталкивались между собой и приносили болезненные ощущения в затылке.

Выскочив на улицу, Поля медленно и глубоко потянула носом вечерний влажный воздух, расправляя легкие.

Открыла сумочку и нащупала сигареты.

Вторая за полчаса.

Много.

Всего становится много...

Глава 2.

Пять лет назад, начало мая

Глаза щипало. Пальцы зудели, а веки просили прикоснуться к ним и хорошенько растереть, смахнуть дымчатую разъедающую пелену. Но Полина упорно сдерживалась, чтобы не испортить макияж, над которым ее подруга Кристина Гордеева корпела целых полчаса.

Бросив взгляд на экран телефона, Полина нервно закусила губу и уставилась на подругу, приземлившуюся на соседний барный стул. Слегка растрепанная, но безупречно привлекательная Кристина, обмахиваясь рукой, схватила стакан с водой и жадно начала глотать прохладную жидкость, прикрыв вожаделенно глаза. На лице девушки бисеринками выступил пот, а волосы на затылке прилипли неприятно к шее. Двадцать минут безостановочных танцев в гуще потных, расслабленных тел. Но Кристина чувствовала себя в этой стихии комфортно и непринужденно.

Стены клуба, в котором проводили сегодняшний вечер подруги, еле сдерживали плотно набитую молодежь, беснующуюся под аккомпанемент популярной городской группы.

Полина дождалась, пока девушка опустошит стакан, и придвинулась ближе, чтобы перекричать громкую музыку:

– Кристин! Мне уже пора.

– Что? – наклонилась к ней Кристина Гордеева, не рас-

слышав. Она покачивала в такт бьющим битам головой и, улыбаясь, скользила по лицам мимо спящих парней.

– Время. Пора домой, – прокричала на ухо Полина Макеева.

Кристина обернулась и, нахмурив светлые брови, уставилась недовольно на подругу:

– Ты издеваешься? Вечеринка в самом разгаре. Время детское, – аргументировала Гордеева.

– Я обещала маме, что вернусь до полуночи, – смутилась Полина, понимая, насколько нелепо это звучит. – Ты прекрасно об этом знаешь, – обиженно пробурчала.

Девушку задело такое безответственное отношение Кристины при том, что кому как ни ей знать, насколько сложно было договориться Полине с матерью, чтобы составить компанию подруге этим вечером.

Кристина одарила Макееву взглядом «ты серьезно?», от которого Полине стало еще более неудобно, чем подпирать три часа барную стойку плечом. Пока лучшая подруга отплясывала на танцполе и улыбалась парням, Полина охраняла ее сумку и медленно потягивала единственный за весь вечер алкогольный коктейль, в котором льда и мяты было больше, чем светлого рома. Чтобы перед мамой не спалиться.

Танцевать она не умела. Точнее, Полина считала, что не умела, потому что то, как двигалась ее подруга, плавные изгибы ее тела и легкость движения – для Полины было за гранью ее собственных возможностей.

Эта появившаяся совершенно недавно неуверенность в себе часто вводила Полину в недоумение: каким образом они с Кристиной сохранили дружбу, уходящую корнями в начальную школу. Две первоклашки с огромными белыми бантами нашли друг друга на линейке, вычленив среди одноклассников две одинаковые блузки. Осмотрелись, примерились, повертели носы, но взялись за руки и, не размыкая, дошли до одиннадцатого класса. Девочкам всегда было уютно друг с другом, и никогда в их скромной компании не было третьего лишнего. Одиннадцать лет за одной партой, обмен шмотками и ночёвки с хихиканьями до полуночи, разговоры о мальчиках, признания, секреты и угар над энциклопедией для девочек в разделе про пестики и тычинки.

Кристина была старше Полины на несколько месяцев, а казалось, что на несколько лет. Кристина Гордеева в их компании считалась первопроходцем: первые «женские дни», первый поцелуй, первый опробованный глоток алкоголя, первый секс... Она с радостью и неприкрытой гордостью делилась личными наблюдениями с Полиной, считая себя взрослой и опытной. Даже грудь у Кристины сформировалась раньше, в то время как свою Полина Макеева смогла обнаружить лишь к двадцати годам, и то настолько скромную, что лучше бы её вообще не было, чем так – как верблюжий плевок.

А у Кристины с фигурой был полный порядок. Лет с четырнадцати она поняла, что нравится парням: блондинка

с ясными голубыми глазами, аккуратной барельефной фигурой и нарядами, которые по-дружбе перепали Полине, модно одевать которую у ее семьи, состоящую из нее и мамы, не было возможности.

Но несмотря на их разность, девчонки были не разлей вода. Закончили школу и поступили в один в университет и на одну специальность. Правда на ту, которую выбрала для себя Полина, а Кристине было все равно, за что будут платить ее родители. Главное – учиться с Макеевой в одной группе, а на кого – дело второе. Строить карьеру Гордеева не планировала: не для того ее мать красивой родила, чтобы горбатиться за копейки. Выскочит удачно замуж и плевать, какая специальность указана в дипломе.

Да вот только последний год Полина стала чувствовать себя той самой *«и подружку с собой возьми»*. Эта разница как никогда ощутимо рознила девушек и расстраивала Макееву, особенно в такие моменты, как сейчас, когда приглашения где-нибудь потусоваться стали походить на «предложения из жалости» или «по старой дружбе». Полина ясно понимала, что компания из нее вот в таких заведениях – так себе: она не танцевала, не пила, не флиртвала с парнями и не умела поддержать разговор. Она была просто для массовки, как сопровождающая или нянюшка при королевне.

– Макеева, тебе сколько лет? Может, уже пора повзрослеть и отрастить зубы? Ты до пенсии будешь слушаться маму? – фыркнула Кристина и манко улыбнулась парню, про-

ходившему мимо.

Месяц назад Полине исполнилось двадцать два года. Возраст, когда слушаться маму выглядело как патология и ненормальная зависимость. Возраст, когда запивать глоток джин-тоника целой бутылкой колы, чтобы мама не унюхала, – малодушно и подозрительно. Но мало кто знал, какой иногда была Татьяна Борисовна, мама Полины, в тот момент, когда ее словом пренебрегали. А Гордеева знала... как никто другой знала, и от этого Полине было обиднее вдвойне.

– Кристин, – умоляюще выдохнула Полина, обессиленно свесив плечи.

Она не могла противостоять матери. Не могла и вовсе не от слабоволия. Она была так воспитана. Татьяна Борисовна растила ее одна, без мужской помощи и поддержки. У женщины было слабое сердце, и каждое проявление характера дочери заканчивалось сердечным приступом. Девушка чувствовала себя обязанной. Постоянно обязанной и виноватой... Возможно, даже в том, что вообще появилась на этом свете, и родилась как две капли воды похожая на своего отца...

– Полчаса, Полина. Окей? Ничего не случится, если ты удержишься на полчаса, – подпрыгивала на месте Гордеева, одной ногой уже всюю отплясывая на танцполе. – Блиин! – завопила. – Какая песня крутая, – послав подруге воздушный поцелуй, скрылась в возбужденной толпе.

Полина оглядела танцующих и печально вздохнула.

Зал сходил с ума.

Поднятые вверх руки раскачивали задымленный кислородный воздух. Официанты сновали между вибрирующей молодежью. Сегодня с размахом отмечали какую-то вечеринку, и чтобы достать входные флаеры, Кристине Гордеевой пришлось буквально попотеть.

Стиснув обреченно губы, Полина вернулась к своему обычному занятию, которым занималась несколько часов подряд, а именно лицезрению, как болтается в пустом бокале кубик льда.

Глава 3.

Пять лет назад, начало мая

– Нормально качает! – прокричал Алексей Воронцов, покачивая головой в такт разрывающей перепонки электронной музыке, и сделал глоток качественного виски прямо из бутылки.

Зажмурился и уткнулся носом в предплечье, задержав дыхание.

Резкий и крепкий, собака...

Дождлся, пока обжигающая жидкость опалит гортань и упадет в желудок, и выпрямился совершенно довольный жизнью.

Он и Роберт Гризманн стояли на втором этаже своего ночного клуба, в честь которого сегодня гремели басы и вибрировали стены.

Ровно год.

Год, как два лучших друга занимались делом, которое приносило обоим удовлетворение сейчас и принесет приличные бабки в будущем. Пока они уходили в ноль, но это совершенно нормально с учетом того масштаба, на который замахнулись приятели.

Они начинали три года назад с захудалой кофейни в шаговой доступности от студенческого городка, чуть позже став-

шей местом тусовки молодежи. Кофейня росла, обзавелась летней верандой, популярностью и хозяйскими амбициями.

Стало скучно.

Скучно, однообразно, налажено... В первую очередь для Алексея Воронцова с его неугомонной бунтарской душой.

Крепли связи, разрасталось кафе, увеличивались запросы. Хотелось больше, мощнее, драйвовее. Именно тогда к Воронцову пришла мысль, что умиротворенному, размеренному и убаюканному юго-западными ветрами Калининграду не хватает шума, движа, энергии.

Тяжело и дорого дался верным друзьям клуб. Затраты до сих пор превышали выручку, но этот дисбаланс не стал причиной тому, чтобы спустя год не отгрохать мощнейшую вечеринку, посвященную годовалому юбилею «Карфагена».

Воронцов, облокотившись на стальные хромированные перила второго этажа, орлиным взором обвел свои владения: мерцающий неонам зал, плотно забитый молодежью, полуголые симпатичные девчонки гоу-гоу, зажигательно поднимающие всё, что можно поднять, крутые профессиональные бармены, подстегивающие пьяно расслабляться, соблазнительные девчонки-официантки, широко и призывно улыбающиеся потенциальным кандидатам их сегодняшних чаевых и популярная музыкальная группа, за которой Воронцов гонялся несколько недель.

Дааа... Что скрывать? Он гордился! Всё, что сейчас гудело в этом заведении и несло рекой бабки, несомненно про-

исходило благодаря Воронцову. Он гордился работой, ради которой рвал задницу, чтобы их с Гризманном детище носило почетное звание самого фееричного в городе. И это понимал даже сам Роберт, потому что его работа заканчивалась в стенах кабинета за финансовой отчетностью.

– Охеренно получилось, братишка! – вновь горделиво проорал Алексей, опустив голову вниз, где под ними визжал народ под известный трек.

Но рядом стоящий Гризманн никак не комментировал восторг Воронцова, чем озадачил приятеля.

Алексей повернулся к другу и оглядел Роберта.

Тот стоял истуканом, сложив руки на груди, и на его лице выразительно читалось, что слова Воронцова прошли мимо парня. Глубокий мыслительный процесс Гризманна рассмешил Алексея, решившего, что в данный момент в калькуляторной башке друга идет подсчет затрат и убытков на сегодняшнее мероприятие.

Но за целенаправленным взглядом Воронцов всё же проследил.

И завис.

Точно так же, как подвис его друг, который несколько минут, не моргая, смотрел на девушку, сидящую на высоком барном стуле полубоком.

Одна.

Соединив, как школьница, колени и гоняя в пустом стакане лед.

Алексей Воронцов нахмурился и прошелся по оголенным ногам незнакомки прогуливающимся взглядом. Она единственная среди всех сидела кисло и натянута, словно ее заставляли находиться там. Не разделяя всеобщего веселья и восторга Воронцова, девушка схватила телефон и уставилась в яркий экран, будто в нем было интереснее, чем здесь. То есть он выпрыгивал из трусов и рвал жилы, мечтая о том, чтобы вечеринка вошла в список самых масштабных мероприятий года в то время, как одна царевна скучающе воротила нос.

Воронцов вновь посмотрел на друга, у которого блаженно горели глаза, и в них явно отражалась не сводная экономическая таблица, а незнакомка с длинными волосами.

– Че за птичка? – уточнил Алексей у подвисшего Роберта. – Ты ее знаешь? – Гризманн смотрел на девушку так, словно они давние знакомые, которые не виделись несколько лет.

– Че? – повернулся к нему потерянный Гризманн.

– Добрый вечер, говорю. Познакомишь? – Воронцов неопределенно махнул головой в зал, но Роберт мгновенно понял посыл.

– Первый раз вижу, – смутился Гризманн и отвел в сторону взгляд.

– Ааа, – растянул губы в хитрой понимающей улыбке Воронцов. – И че ты притух? Иди,ними.

Гризманн поморщился. Его друг иногда был хамоватым

придурком, и позволял себе выражаться как гопник. Удивительно, но с девчонками это работало. Всегда прокатывало, еще со времен студенчества. Нахальный, омерзительно-обаятельный мерзавец.

В семье Гризманн говорили почтенно и нарочито высокопарно. Сам Роберт мог пренебречь семейными постулатами в компаниях с мужиками или за снифтером дорогого бренди, но в большинстве случаев молодой человек высказывался цензурно.

– Лёх, захлопнись, а, – недовольно свел брови Роберт и оттолкнулся от поручней, направляясь к диванчикам, где приятели отмечали торжество.

– Да брось, Роб, – Воронцов ухватил друга за предплечье, – нормальная зефирка такая. Иди, подкати. Есенина зачитаете друг другу, – и весело заржал.

– Придурок, – озлобленно выдернул локоть Роберт и шлепнулся на диван.

Внутри Роберта бурлила ярость, помноженная на зависть. Молодой человек ненавидел в себе зажатость и скованность. Он мог часами разглагольствовать о политике или инфляции в стране, вести дебаты и споры, и выходить из них победителем, но не мог вот так запросто и расслабленно подкатить к девушке и завести разговор. Эта неуверенность в себе вызвала у Гризманна дискомфорт и чувство мужской неполноценности.

Ответственным «за девочек» в компании парней считался

Воронцов. Вот, кто с врожденной легкостью и непоколебимой решительностью склеивал любую, даже самую богобоязненную девчонку. Алексей Воронцов слыл тем самым своим парнем в компании, задававшим жару мужским посиделкам.

И как бы не топил в себе Гризманн чувства досады и зависти к харизме Воронцова, они все равно карабкались и всплывали наружу.

Воронцов взглянул на прикисшего друга, затем еще раз пробежался по ровной спине заурядной незнакомки и решительно двинулся к лестнице, ведущей вниз на танцпол. Он собирался пригласить Несмеяну к ним за столик и облегчить тем сам Гризманну жизнь на сегодня. Не впервые, когда Воронцову приходилось становиться свахой.

Алексей с трудом протискивался между извивающимися телами, потому что толпа не собиралась перед ним расступаться. Вряд ли из них кто-нибудь знал его и Роберта в лицо как собственников этого места. Да и парни не особо афишировали свои персоны, отрываясь в «Карфагене» наравне со всеми: кутили, танцевали, снимали девчонок...

Ее белое платье отражало люминесцент. Незнакомку было сложно не найти, потому что она мерцала как дорожный светоотражающий знак на ночной темной трассе.

Воронцов усмехнулся.

Подошел близко со спины и на долю секунды замер. Черт его знает зачем, но чуть подался вперед и прикоснулся носом к распущенным волосам. В темном помещении их оттенок

был трудно различим, а вот запах резко ударил в голову.

Улыбнулся. Словно знал. И почему-то был точно уверен – яркий, насыщенный, сладко-сладкий аромат шампуня или же ее собственный... ванильный зефир. Приторный, что зубы свело.

– Девушка, вас случайно не Игорь зовут? – прошептал прямо на ушко одно из своих работающих подкатов так, что Несмеяна вздрогнула.

Замерла и уставилась вперед. Не дышала.

Медленно повернула голову и врезалась своим носом в подбородок Воронцова, успевшего турнуть какого-то чувака и примостыриться плечом к барной стойке.

Опешила и отстранилась, испуганно распахнув глаза.

Воронцова торкнуло. Что-то такое щёлкнуло в голове, отдаваясь трепетом под ребрами. Защекотало и вниз соскочило, натягивая трусы.

Алексей вязко очертил взглядом личико, коснулся им же слегка торчащих ушей, за которые были заправлены волосы девушки, и расплылся своей самой нахально-обаятельной улыбкой.

– Н-нет, – сглотнув, ответила Несмеяна.

– Нет? – игриво выгнул бровь Воронцов. – И меня тоже! Видите, сколько у нас общего?! Тогда можно узнать ваше имя? – аккуратно подхватил лежащую на сведенных коленях руку девушки и невесомо коснулся горячими губами тыльной стороны ладони.

– Зачем? – несмело поинтересовалась Несмеяна, почему-то до сих пор позволяющая вести себя таким своевольным образом с собой.

– Я хочу представить его вместе со своей фамилией, – невозмутимо ответил Воронцов и прикусил нежное запястье.

Несмеяна нахмурила аккуратные темные бровки. Закусила задумчиво губу, а потом... расхохоталась.

Воронцов улыбнулся тоже. Смотрел на Несмеяну, которая, обнажив ровные белые зубки, смеялась звонко и без кокетства.

– Полина, – с улыбкой ответила девушка, слегка наклонив голову. Ее горячая ладонь горела в руках парня, разнося пожар по всему телу, а очаровательный румянец багровел на юном лице.

Полина... имя такое же нежное, как зефир. Легкое и воздушное. «И девушка... *чистая*», – почему-то подумалось Воронцову.

Она как невесомое и хрупкое белоснежное перышко. Откуда ты здесь такая? С кем?

Глаза смущённые, несмелые, спрятанные под негустыми темными ресницами. Светло-карие, кажется. Губы алые-алые, не тонкие, и не полные. Обычные. И она сама не красавица. Во всяком случае точно не во вкусе Воронцова. А манкая... Какой-то своей невинно-детской непосредственностью и стеснительностью этой, подкупающей. Сыграть так

захочешь – не сможется.

Такие неженки никогда не привлекали Алексея. С ними проблемно и муторно. Затратно, нудно и долго. Волнами разбиваться перед ними нужно, очаровывать, вдохновлять, удивлять. Чтобы разок другой кувыркнуться и распрощаться. А их натуры ранимые, близко к сердцу принимающие, проклятиями после осыпающие. На хрен ему карма подпорченная? Проще там, где тонко и само предлагается, пусть даже после презентованной бутылки шампанского и пары коктейлей. Иногда, конечно, хотелось поохотиться, поухаживать, но надолго Воронцова не хватало. Утолял жажду рыцарства и обратно возвращался.

– Алексей, – представился Воронцов, ощущая тот же пожар.

Они безмолвно смотрели друг на друга несколько секунд, пока:

– Привеет, – певуче протянул голос рядом. Воронцов, разорвав гляделки, переключил с трудом внимание на озорную блондинку, переминающуюся с ноги на ногу с хищной улыбкой. – Я Кристина, – впихнула свою руку в ладонь Воронцова.

Глава 4.

Наши дни

– Ты пересолила пюре. Его невозможно есть, – недовольно пробурчала в трубку Татьяна Борисовна, мама Полины.

Не прошло и десяти минут, как девушка отъехала от клинической больницы. Им с матерью хватило пяти минут свидания, чтобы у Полины возникло малодушное желание того, чтобы родительницу продержали в отделении как можно дольше. И желательно в неврологии.

Пихнув матери пакеты с наготовленной едой под сквернословный поток недовольства и проклятий всей системе здравоохранения, девушка молча покинула стационар, доселе поинтересовавшись лишь днем выписки родительницы.

– Выброси, – ровным тоном посоветовала Полина, зажав телефон между ухом и плечом.

Двумя руками потянулась к заклинившей рукоятке, чтобы приоткрыть окно. Девушке становилось душно.

Деструктивная реакция родом из детства каждый раз срабатывала как инстинкт. И пусть сейчас Полине справляться с ней стало гораздо легче, но укоренившиеся на подкорке защитные функции включались по умолчанию.

– А что я, по-твоему, буду есть? – возмутилась родительница. – Ты хоть представляешь себе, чем здесь кормят? Даже зеки питаются лучше, – умозаключила Татьяна Борисовна.

– Откуда ты знаешь, как питаются зеки? – Полина прокрипела заржавевшим механизмом, и стекло с недовольством начало опускаться. Водитель такси бросил на хозяйничающую в его машине девушку сердитый взгляд в зеркало заднего вида, но громко промолчал.

– Не передергивай, Полина, – осадила дочь женщина. – С тобой стало невыносимо разговаривать, – вспыхнула на том проводе Татьяна Борисовна.

– Стало невыносимо тогда, когда я начала отвечать тебе в принципе? Понимаю, что, когда я безропотно молчала, тебе было удобнее, – Полина потянула глубоко носом воздух, залетевший в салон.

– Полина! – воскликнула женщина, оскорбившись. – Ты всё больше и больше становишься похожей на своего непутевого отца, – брюзжала родительница.

К слову, в кардинальном изменении поведения дочери женщина обвиняла двух мужчин – отца Полины и человека, о котором в их семье упоминать запрещалось под роспись.

– Может, потому что мы с ним родственники? – заводилась Полина.

– Грубиянка, – проворчала женщина и бросила трубку. Девушка откинула голову назад и подавленно прикрыла глаза.

Четыре года каждый телефонный разговор с матерью заканчивался таким образом, что кто-то из них двоих бросал трубку. Чаще это делала Татьяна Борисовна. Она до сих пор

не могла поверить, что ее послушница-дочь превратилась в высокомерную стерву с длинным языком. Всеми проклятиями народов мира она в своей голове осыпала бывшего мужа Полины, когда-то уведшего ее дочь из отчего дома, а после бессовестно предавшего. Женщина была абсолютно уверена в том, что это его негативное мещанское влияние так испортило Полину. Это он оставил после себя руины в виде каменного отчуждения девушки.

Макеева крепко сжала телефон в руках и устало посмотрела в окно. Любое взаимодействие с матерью – как прогулка в логово вампира. Все соки и энергию теряла, после чего Полине приходилось восстанавливаться марочным ромом. Радовало только то, что за время нахождения в Питере их разговоры были не частыми, а встречи – наиредчайшими, что устраивало Полину несказанно. За четыре года родственницы виделись всего три раза и очередное наведывание заканчивалось побегом Татьяны Борисовны из Питера спустя пару дней гостевания с сердечным приступом и крокодильими слезами в честь неблагодарной дочери, в которую женщина с детства старалась вложить всё самое правильное и прагматичное, а вышло, что вышло. Их отношения сложно было назвать отношениями между дочерью и матерью, скорее они напоминали извечный конфликт между лающей собакой и шипящей обороняющейся кошкой. Ни одной общей темы для разговора, ни одной точки взаимодействия. Глухо как в танке.

Сейчас Полине тоже требовался нейролептик. Покрепче. Иначе мыкаться будет. И внутри себе перекручивать все слова матери. В ушах звенело, а во рту сухо.

Покурить нужно. Хотя бы немного горьким дымом перебить иную горечь.

Сигареты в сумочке нащупала, до дома хотела дотерпеть, а в окне мимо Медовый мост пронесся.

– Остановите здесь! – неожиданно вскрикнула Полина и уперлась одной рукой в спинку водительского кресла от того, как резко машина затормозила. – Пожалуйста, – на выдохе.

– Дамочка, да вы... да я... – раздувались ноздри водилы, обернувшегося к девушке.

– Извините, – Полина подхватила сумку и пулей выскочила из ржавого Логана, случайно грохнув дверью.

Обернулась, услышав позади ругательства, извиняюще состроила мину, и перепрыгнула через бетонный невысокий отбойник, сливаясь с толпой туристов, движущихся на остров Канта.

В это время года Калининград по-особенному встречал приезжающих, становясь для них неповторимым. С начала июня по конец октября туристы волнами кочевали по западной российской земле, проникаясь исключительной атмосферой Кёнигсберга.

Полина примкнулась к небольшой группе и двинулась строго за ними.

Пять дней в Калининграде, а она ни разу не посетила свое

любимое место... Место души... Кнайпхоф.

Нет, она его принципиально не игнорировала, просто идти сюда нужно было с особым настроением. И, кажется, сейчас тот самый момент.

На подходе к мосту черный медведь с балалайкой зазывающе приглашал в Рыбную деревню – отведать местную кухню. В воздухе пахло миндалем и терпкой ванилью. Полина остановилась, глубоко вдохнула и ... неожиданно для себя улыбнулась.

Курить расхотелось. Тут же.

Легкие наполнились сладостью марципана – любимого лакомства ее детства.

Полина покрутила головой. Со всех сторон сновали туристы, но яркая палатка привлекала внимание издалека. Не сомневаясь, девушка протиснулась сквозь толпу и встала в очередь, которая подошла слишком быстро, чтобы начать сомневаться.

Ароматный чай и манящий чурос!

Ммм!

Полина взяла сразу два и стакан горячего напитка.

Повесив сумочку через плечо, девушка направилась на мост. Сейчас она себя чувствовала туристкой. Пилигримом в своем родном городе. Она смотрела на него по-другому, не как человек, родившийся и выросший здесь...

Откусила кусочек липкого чуроса и прикрыла глаза. Божественно! А когда открыла, встретила с улыбчивым де-

душкой Карлом.

Боже! Как она могла про него забыть? Черт, оказывается Полина скучала!

Когда она была маленькой, ей нравилось разыскивать загадочных хомлинов, разбросанных по Калининграду. В те редкие дни, когда приезжал отец, девочка любила бродить с ним по городу и слушать мужчину, складно рассказывающего легенды и забавные факты о человечках, которые просыпаются ночью и обрабатывают янтарь!

Воспоминания вихрем ворвались в голову девушки и навели там беспорядок: приятный и какой-то... волнующий.

Полина подошла ближе, дождалась, когда китайская парочка запечатлеет себя на фото, и, переложив в одну руку стаканчик, а в подмышку чурсы, погладила хомлина по лысой макушке!

Ну что, дружище?! Говорят, ты приносишь счастье?!

Отсыпь мне немножко?

Крупиночку, капельку женского счастья.

Мне много не надо, только бы не болело ночами...

Днем не чувствуется, а ночью мучает... где-то под ложечкой... тоненько так и жалобно... Вроде и научилась не обращать внимания, но привыкать уж больно не хочется.

Позади недовольно пробурчали. Очередь. Желающих натереть себе счастья и удачи много. Не хорошо, Полина, жадничать...

Подмигнув дедушке, Полина проществовала по деревян-

ному мосту и ступила на брусчатку, сохранившуюся еще с немецких времен и до сих пор в некоторых местах разрезанную старыми железнодорожными рельсами.

Полина остановилась, ощутив несильный толчок в спину. Обернулась и была награждена недовольным взглядом женщины в шляпе. Огромное количество народа не позволяло так опрометчиво останавливаться, но девушке было все равно. Послав ей ответный посылающий далеко и надолго взгляд, Полина подняла голову и посмотрела на шпиль Кафедрального собора, на котором лениво вращался флюгер, подсказывающий, что сегодня безветренно тихо.

Мало кто знает, что изображено на этом флюгере.

А Полина знала. И это щекотало девушку внутри, делая ее среди всех особенной! Когда-то Дмитрий Анатольевич Макеев, отец девушки, доктор исторических наук и кандидат искусствоведения, поведал легенду, что кафедральный флюгер выполнен в виде русалки. И когда по весне начинают атаковать город ураганные ветры, флюгер поворачивается в обратную сторону от вихря и указывает на то место реки Преголи, где тонут люди.

Робко улыбнувшись себе, Макеева откусила добрый кусок чураса и отправилась вокруг Кафедрального собора. Потопталась у могилы И. Канта, поглазела на сувенирные киоски, усыпанные изделиями из янтаря, и примостилась на первый ряд деревянного амфитеатра.

Марципан щекотал нос, а остывший чай приятно успока-

ивал размотанные нервы...

Полина запрокинула голову и посмотрела в голубое небо, по которому неторопливо и размеренно плыли кудрявые облака. Теплый ветер прикоснулся к лицу и пробрался под футболку. Девушка передернула плечами.

Ей было хорошо. Воистину хорошо и уютно. Она давно не ощущала чувства умиротворения, и терять эту ниточку не хотелось.

И домой не хотелось тоже.

И как никогда одиночества не хотелось.

Пусть она позже пожалеет... А она, несомненно, пожалеет, но сейчас Полина так чувствовала...

Разбудила телефон и открыла номер телефона, которым она не собиралась никогда пользоваться...

Не давая себе времени передумать, нажала на кнопку вызова, поднесла трубку к уху и уставилась на белобрысого мальчонку, управляющего красным воздушным змеем, разрезающим голубое небо алыми бороздами.

Гудок.

Второй.

Пусть не возьмет... Господи, пусть он не возьмет!

Третий...

– Да?! – прозвенел в трубке веселый, слегка хриплый голос. – Слушаю.

– С Днем рождения, – просипела Полина, зажмурившись. Это не выглядело праздно, это выглядело жалко. Голос на

том проводе молчал. Дыхание только говорило. Тяжёлое, частое, грузное. Словно под дых невидимого собеседника ударили. – Это Полина.

Смешная... Да этот голос Гризманн узнал бы среди тысячи полифонических звуков.

У Роберта дар речи пропал. Дыхание перехватило.

Разве мог он мечтать о таком подарке?

Гризманн смирился с тем, что она не позвонит. Уговаривал себя, убеждал, принуждал усмириться.

А она позвонила...

Парень откашлялся прежде, чем выдавить из себя слова.

– Я тебя ждал, – на выдохе, еле-еле слышно произнес и сам испугался. – Очень долго ждал, – прошептал.

Всю жизнь... всю жизнь ждал...

Полина закрыла глаза. Крепко стиснула веки и мотнула головой.

Молчала. Ничего не могла больше сказать.

Ошибка. Глупая необдуманная ошибка – позвонить Роберту.

– Полина, я сейчас вышлю адрес сообщением, – не оставил сомнениям шанса Гризманн и прервал звонок.

Глава 5.

Воронцов знал, что его никто не ждет.

Вот уже четвертый год не представлял, с кем его бывший лучший друг отмечает свои дни рождения, когда все прошлые именины друзья детства Воронцов и Гризманн отрывались на полную катушку вместе.

Четвертый год Алексей бьется головой о бетонную стену, выстроенную Робертом между ними.

Один неправильный шаг – и он в одночасье лишился всего самого родного и близкого: семьи и лучшего друга. И если причину первого он принимал безусловно и безропотно, то что произошло с закадычными друзьями – Воронцов не понимал. Это случилось с ними сразу после его непоправимой ошибки, но каким образом его личная жизнь сказалась на отношениях с Гризманном – для Алексея оставалось неразгаданной загадкой.

Расплатившись в супермаркете за элитный виски, Алексей не собирался нарушать четырехгодичную традицию. Бросив бутылку на заднее кресло своего внедорожника, Воронцов направился туда, где, был уверен, найдет Гризманна – на загородную дачу его семьи.

Под шинами скрипел гравий.

Уже на подъездной дорожке Воронцов заметил за кованными массивными воротами убегающий в небо сизый дым.

Значит, он не ошибался, и бывший друг по обыкновению жарит мясо на горящих углях.

Тоскливо улыбнулся.

Шашлык всегда был традиционной прерогативой Воронцова, да и уха выходила у парня не хуже, чем у мишленовского повара.

У ворот стояли припаркованными несколько авто. Алексей проехал по неширокой улочке дальше, заглушил двигатель и выполз из машины, прихватив бутылку.

Огляделся по сторонам и потянул носом воздух, пропитанный сырой свежестью и гарью.

Кто бы что ни говорил, за городом дышалось по-иному. Легкие раскрывались, насыщенный кислород проникал в кровь, заставляя голову кружиться. Тишина дачного поселка, периодически нарушаемая воем собак, давила на перепонки.

В двух шагах от него находился покосившийся электрический столб. Воронцов подошёл ближе и поднял голову. На верхушке знакомо бросалось в глаза крупное гнездо, и два красных клюва привычно поглядывали на чужака.

– Здорова, ребята, – прокричал Воронцов двум благородным аистам, уже несколько лет не покидающим свое свитое жилище. – Как поживаете?

Птицы опустили клювы, смерили парня настороженным взглядом и, встряхнув длинными шеями, спрятались в гнез-

де.

Воронцов усмехнулся и подошел к тяжелой мощной двери, за которой еле слышно доносилась музыка ни о чем. Фонобая, без слов... Под такую Гризманн всегда любил повтыкать и запариться.

Алексей с чувством глубокой тоски засунул виски в подмышку и провел по отросшим волосам ладонью, зачесывая их назад.

Не раздумывая, нажал на звонок.

Загородную дачу семьи Гризманн сложно было назвать дачей в буквальном понимании. Двухэтажный добротный кирпичный дом больше походил на коттедж, в котором можно было провести лет пять, не выходя на свет Божий и ни в чем не нуждаясь. В подвале имелся даже небольшой винный погреб с коллекционным алкоголем, привозимый отцом Роберта из разных стран, а на цокольном этаже – подогреваемый бассейн, в котором молодые парни куролесили не по-детски.

– Бегу, бегу! – Алексей услышал торопливые шаги по ту сторону забора. Голос друга звенел и источал довольство. – Без меня не начинать! – кому-то шутливо крикнул Роберт и заскрипел дверной задвижкой.

Дверь перед Воронцовым распахнулась, являя возбужденного Гризманна, застывшего в проеме замертво.

– У тебя мясо горит опять, – усмехнулся Воронцов, глядя в глаза другу, привалившись плечом к кирпичному откосу. –

ЗдорОва, – протянул руку, приветствуя.

Гризманн внезапно дернулся от неожиданности. Посмотрел на Алексея в неверии и ... опасливо. Парень был абсолютно уверен, что три года игнорирования должно было хватить Воронцову, чтобы понять – видеть его в день рождения друг не желал.

Гризманн нервно обернулся назад и уверенно вышел, потянув за собой дверь и отрезая возможность Воронцову заглянуть во двор.

Глаза Роберта взволнованно бегали, и от бывшего приятеля эта странная эмоция не утаилась.

– Привет, – вложил в ответ свою руку без особого энтузиазма, не оценив шутовское замечание.

Привалился к противоположному косяку и сложил руки на груди.

Воронцов отчетливо понял, что приглашать его не собираются.

В груди скрутило тугой пружиной.

Знакомо сдавило. Это ощущение четыре года идет за руку с парнем.

Заглянул Роберту в глаза, но приятель свои увел, опасливо взглянув на дверь. Словно боялся, что в ней может кто-то вот-вот появиться.

Алексей горько хмыкнул. Рывком откупорил бутылку виски и протянул Гризманну:

– С днем Рождения... – замолчал, – друг.

Друг...

Роберта будто в солнечное сплетение последним словом ударило. Под кожу забралось и по сосудам прямо в голову шмальнуло. Вихрями, воспоминаниями ураганными. Он же не железный. И не пустой он никакой, как орал две недели назад надравшийся в хлам Воронцов, залетев прямо посреди рабочего дня в кабинет Роберта в безумной агонии.

Их взгляды встретились, а затем Гризманн опустил свой на протянутую бутылку.

Соблазн принять из рук бывшего друга примирительный напиток был велик.

Никто не знал, как сам страдал Роберт. Никто не предполагал, насколько хреново ему было потерять одновременно двух человек, которых любил всем сердцем. И только побег Полины показал, кого он любил сильнее...

При иных обстоятельствах Роберт бы принял.

Четыре года прошло, и оба страдали.

При иных обстоятельствах...

Но не тогда, когда этими обстоятельствами стала женщина, которую в этот раз Гризманн упускать не собирался. Девушка, которая там, за калиткой, сидела молчаливо в плетённом кресле и смотрела на оранжевые лепестки костра...

Роберт отрицательно мотнул головой и уставился на свои босые ноги в резиновых сланцах.

Зачем он явился?

Зачем душу ему рвет?

Не пустой он... живой и чувствующий... Скотиной себя чувствующий, потому что не собирался говорить Воронцову о том, что Полина вернулась.

Спрятать ее хотел.

Для себя спрятать.

А вина уже начала точить свои когти. Потому что при всём своём мужском эгоизме, он малодушно просил у бывшего друга прощения.

Зачем он пришел?

Зачем в его день рождения заставляет врать?

Но он не скажет. Нет.

Каким бы ни был надрыв, он не скажет.

Счастье – оно же тихое должно быть, личное... А его счастье сейчас там... в плетеном кресле и с кружкой ароматного глинтвейна.

– А почему, Роб? – прохрипел Воронцов. – Четыре, твою мать, года, Гризманн! Ты мне объясни, может, я пойму, – начинал заводиться Воронцов. – А то я ни хрена не улавливаю, – развел руки в стороны, расплескав треть бутылки.

Воздух мгновенно опьянел. Ударил терпкими промилевыми парами в голову и тут же разнесся ветром.

Сколько бесполезных, безрезультатных попыток... Сколько вопросов и ноль ответов.

Что произошло с их дружбой?

Что произошло с их маниакальной мужской солидарностью и некогда клятвенным заверением – «брат за брата»?

Когда их приятельские отношения переросли в партнерские? Общий бизнес, рабочие вопросы и всё. Лаконично, кратко, по делу...

– Лех... – устало вскинул глаза Гризманн на Алексея, обхватив пальцами переносицу.

– Не, Роб, не прокатит, – покачал головой Воронцов, перебивая. – Я миллион раз прокручивал в голове тот день, но ни черта не вижу взаимосвязи, – проорал, сделав шаг к Гризманну и оказываясь в метре от него. – Ты из-за Полины, так? – сощурился. – После того, как я натворил дерьма, именно тогда всё пошло под откос. Из-за нее, да? Скажи, блть! – требовал Воронцов.

Внутри него кипело. Он не мог понять природу этого состояния, но бурлило так, что поднималась внутренняя температура.

Роберта трясло тоже. Ломало и било в висок неврологическим молоточком, проверяя парня на прочность.

Стиснув губы, Гризманн молчал.

Всегда молчал, потому что не знал, как сказать лучшему другу, что из-за него, из-за его тупой кобелиной природы он лишился Полины.

Он тоже потерял Полину... жену лучшего друга. Которую любил, по которой сходил с ума, а ночами выл от бессилия и безвыходности.

Но он мог ее видеть. Украдкой наблюдать, как очаровательно пунцовели ее щеки, когда они здоровались, как по-

трясающе она улыбалась, когда они вели ничего незначащие беседы, как скромно опускала взгляд, когда на ушко друг шептал ей нежности...

Никто у Роберта не мог отнять – наслаждаться ее присутствием и фантазировать, тайно желать... А потом у него отняли... отняли эту возможность, и виноват в этом был Воронцов.

И как ему об этом сказать?

– Молчишь... – усмехнулся Алексей и поймал взгляд Гризманна. – Я одного понять не могу – каким образом наш с Полиной развод сказался на нашей с тобой дружбе, Роб? М?

И Воронцов не лукавил. Он действительно не понимал, потому что Гризманн никогда, ни единого повода не давал в себе усомниться и разочароваться как в друге. Он бы никогда не смог предать. Роберт знал и видел, как Полина боготворила Лешу. Парня разрывало внутри, но при этом он всегда желал им искренне счастья, задавливая свое.

– Мне пора, – Роберт бросил взгляд исподлобья. Столько всего в этом взгляде было намешано, что прочитать оказалось сложно.

Толкнул дверь, не давая себе опомниться, и провернул замок, ограждаясь. Припал спиной к железяке и закрыл тяжелые веки. Глотку перехватил спазм.

Он его чувствовал. Там за дверью.

И вину тоже чувствовал.

А не должен, потому что обстоятельство сильнее. В кресле

обстоятельство с кружкой в руках. Оно сильнее.

Оттолкнулся и без оглядки направился на задний двор, услышав за спиной глухой удар по двери.

Воронцов с силой долбанул еще раз.

И еще.

Прошипел сквозь зубы и сжал кулак.

Ткнулся лбом в непрошибаемую возведённую стену. В который раз.

Скатился по двери вниз и уселся на корточки.

Поганое чувство потери... потери всего.

– С днём рождения, брат, – салютовал в воздухе бутылкой и «чокнулся» с кирпичным косяком.

Поднес к губам, желая сделать обжигающий глоток, но завис...

Покрутил виски в руках. Поставил на щебенку.

Встал.

Отряхнул задницу.

Решительно двинулся к машине, по пути набирая номер:

– Привет, любимый! – вожделенно прощебетал липкий голос.

Воронцов сжал челюсть, чувствуя, как моментально кровь закипела:

– Сколько раз я говорил, просил, приказывал – НЕ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТАК! – процедил, скрипя зубами, и запрыгнул в машину, шарахнув от души дверью.

– Ну не зли-иись, – пропел заискивающе голос в трубке. –

А ты...

– Я заеду, – взглянул на время в приборной панели, – через сорок минут. Собери мне его и выведи на улицу.

– Как? – возмутился голос. – Ты же сказал, что сегодня будешь занят, – недовольно пробурчала девушка.

– Я не понял, это проблема? – завел двигатель, чувствуя раздражение.

– Меня нет дома. Я ушла, – деловито пояснила. – Мы с подружкой...

– Мне это не интересно, – резко отрезал Воронцов. – Через сорок минут я жду внизу, – отбил звонок и опустил голову на руль...

Глава 6.

Пять лет назад, июнь

Прикрыв бесшумно за собой дверь, Полина оглядела холл.

Он расхаживал по пустому коридору у окна взад-вперед и смотрел себе под ноги. Ровными интонациями отчитывал кого-то в трубку, опустив руку в карман джинсов с дырками на коленях.

Сердце Полины дернулось и затарахтело как неисправный карбюратор. За месяц знакомства эта реакция на Алексея Воронцова стала настолько привычной, словно они были близки несколько лет, а не каких-то сорок восемь суток, которые Полина высчитывала и зачем-то помечала крестиком, потому что каждый день в их личном календаре был красным и праздничным.

Закусив губу, хотела сорваться с места, но замедлилась.

Лёша ее не видел, увлеченно беседуя по телефону: жестко, основательно, авторитетно. При всем своем развязно-тинейджерском внешнем виде, Алексей разговаривал и строил персонал так, что ни одно его слово не ставилось под сомнение. Полина успела узнать, как уважают Воронцова его работники и как заглядывает мужчине в рот любой, кто попадает в зону его очарования.

Девушка улыбнулась и замерла, разглядывая своего парня.

Выглядит как охломон!

Так бы сказала ее мама.

К слову, именно так она его и называла.

Дырявые джинсы, футболка с принтом вверх поднятого среднего пальца и бейсболка козырьком назад, из-под которой торчали светлые, слегка вьющиеся на концах волосы. Полина знала, какие они мягкие на ощупь. Совершенно не мужские, не жесткие. Ей нравилось зарываться в них пальцами и перебирать, замечая, как ее молодой человек от удовольствия прикрывает глаза точно ленивый сытый кот.

От внезапных нахлынувших ощущений, свело низ живота. Томно и приятно потянуло, разливаясь истомой по всему телу. И эта была еще одна реакция на Алексея Воронцова, к которой девушке хотелось привыкнуть навсегда и сделать её традицией.

Невозможно привлекательный!

Смертельно и опасно обаятельный оболтус, умеющий ловко разруливать любую проблему. Полина не могла понять, как в одном человеке мог сочетаться уличный свой пацанчик и строгий начальник, держащий персонал в ежовых рукавицах. Но только персонал... Полина по крайней мере надеялась на это, потому что она в его руках плавилась как самая настоящая восковая свеча. Сгорала, тлела, растекалась... Настолько его ладони были нежными и осторожными,

настолько дарили неземные ласки, что, подумав об этом, у Полины зарумянились щеки.

Невероятно красивый.

Просто крышу сносило от того, насколько Полина вросла в Воронцова за столь короткое время. Всеми волосками и атомами, каждым миллиметром дыхания. Девушка не могла им налюбоваться. Внутри порхало так, что кончики пальцев на ногах поджимались.

– ... давай, работай. Отбой, – Леша убрал телефон в карман и задумчиво посмотрел в окно.

Полина подобралась, поправила синюю классическую юбку чуть выше коленей, расстегнула верхнюю пуговичку белой блузы, но смутившись, застегнула обратно. Закинув сумочку на плечо, сделала шаг в сторону Алексея, сосредоточенно выглядывающего во внутренний двор института.

Ее он почувствовал на инстинктивном уровне. Резко обернулся и уставился на девушку. От проникновенного взгляда Полина затормозила и растянула губы в улыбке. Воронцов развернулся всем корпусом, пробежался по телу своей девушки ревниво-оценивающе, оставляя микроожоги, задержался пару секунд на голых коленях и лениво улыбнулся. Его довольный вид красноречиво дал девушке понять, что ему нравится увиденное.

Лёша нешироко расставил ноги и развел руки в стороны. Не сомневаясь, Полина сорвалась с места и с негромким визгом нырнула в любимые объятия. Воронцов закружил де-

вушку, обхватив под ягодицы. Юбка непристойно задралась, а сумочка упала с плеча. Макеева вцепилась в крепкие плечи руками и откинула голову, озорно хохоча.

Воронцов улыбался тоже.

Легкая, невесомая зефирка таяла в его руках, а он кайфовал от этого ощущения. Жадно сжимал ягодицы, поглаживая большими пальцами искусно сотканную кожу. Сходил с ума и завидовал самому себе.

Опустил девушку на пол, прижимая тесно и не оставляя между ними ни миллиметра. Очертил лицо Полины голодным взглядом. Он постоянно его чувствовал, этот безумный голод: без нее и рядом с ней еще сильнее. Ему было мало Полины. Он хотел ее себе всю и до конца, без условностей и предрассудков, установленных мамой его любимой.

– Полинкин, соскучился, блин, – Леша потерся своим носом о нос девушки. Полина зажмурилась и заулыбалась: широко и искренне.

– Мы не виделись всего час, – зарделась.

– Не всего, а целый час, – лизнул нос, потом в него же чмокнул под веселый смешок Полины. – Ну? – выжидательно кивнул.

Полина хитро сощурила глаза, а потом бросилась на шею:

– Защитила на «отлично»! – завизжала девушка.

– Зефирка! – вновь закружил. – Моя отличница, – Лёша, спустив девушку на уровень своего лица, начал покрывать щеки любимой мелкими острыми поцелуями. – Я не сомне-

вался, Полинкин!

Воронцов ни на секунду не сомневался в том, что его умная, ответственная девочка защитит диплом на пятерку, это настолько само собой разумеющееся, как постоянное желание целовать эту девушку.

– А я жутко нервничала, – Макеева, хохоча, стянула с парня кепку, взъерошив волосы пальцами. – В помещении мальчикам нельзя, – натянула бейсболку на себя.

– Так я давно не мальчик, Полинкин! – толкнулся вперед бедрами и подцепил зубами нижнюю губку девушки, слегка прикусив и издав алчный низкий стон. – Тебе идет, – кивнул на кепку.

– Балбес! – шикнула. – Леш, мы в институте, – испуганно уставилась на Воронцова. – Ты разве не знаешь, как себя здесь вести? – нахмурила брови и кротко поцеловала парня в губы.

– Неа! Ммм, – провел языком за розовым молочным ушком. Полина выгнулась, бессовестно подставляя чувствительное местечко. С Лешей она становилась беспечно-безрассудной, при этом краснея до кончиков волос. – Ничего не знаю, Полинкин. Я практически не учился в институте. Приходил только на экзамены, – весело прошептал на ушко.

– Как это? – Макеева отстранилась и удивленно уставилась на парня.

– Я ж красаучег, – шутливо подмигнул и подцепил пальцами верхнюю пуговку блузки. Оглянулся воровато по сто-

ронам и, убедившись, что в коридоре безлюдно, по-хозяйски проник под кофточку под округленные глаза девушки. – Зефирка, не могу, – огладил грудь, спрятанную в белый гладкий бюстгальтер. Полина съёжилась и попыталась свести руки на груди. – Поехали ко мне.

– Лёша, – прошипела девушка, – с ума сошел? Вытащи немедленно! – ругалась шепотом девушка, боясь нарушить тишину университетских стен, за которыми в данный момент всюду шла защита дипломов ее однокурсников.

– Звучит двусмысленно, Полинкин, – усмехнулся, замечая, как смущается его скромняшка-девушка. Но послушно отстранился, понимая, как нервничает его нежная застенчивая зефирка. Взял теплую ладошку в свою руку. – Погнались, – потянул к выходу.

– Леш, подожди, – затормозила Полина. – Давай Кристину подождем? Она сразу после меня защищается, – состроила невинные умоляющие глазки. – Я ей обещала.

– Бляя...

– Леша! – возмутилась Полина. Иногда Воронцов позволял себе грубо выругаться, с чем старался бороться. При такой неженке, как его девушка, делать этого не хотелось, да и совестно было. С ней он хотел быть лучшей версией себя. И у него получалось. Но иногда грубость вылетала неконтролируемо. Вот как сейчас.

– Прости, Зефир, – провел по волосам. – Тебе не кажется, что твоей Кристины слишком много?

Как только они с Полей собирались куда-нибудь сходить вдвоем, Полина тащила с собой подругу, ссылаясь на то, что она тоскует. Воронцову в свою очередь приходилось брать Гризманна. Две недели назад Алексей жестко пресёк попытки Гордеевой навязать им свое общество вновь.

Полина сдвинула брови и поджала губы.

– Тебе не нравится она, да? – обиженно прошептала.

– Она мне никак, Полин. Я приехал к тебе и за тобой. И хочу забрать свою девушку без третьего лишнего, понимаешь, малыш?

– Леш, – подняла свои светло-карие глаза. – Я обещала, что подожду. Ну пожалуйста.

Полина чувствовала вину перед Кристиной. Подруга на днях высказала ей, что они потерялись. И Макеева действительно скучала по Гордеевой, ощущая, что предаёт подругу своим невниманием. Когда у нее появился Леша, все свое свободное время девушка посвящала ему, на что Кристина огорчалась, припоминая о том, что до Воронцова она приглашала подругу с собой.

– Ладно, – смирился Воронцов и громко выдохнул. – Подкинем ее до дома, а потом ты вся моя, Зефир. М? – Леша поиграл бровями и соблазнительно провел языком по верхним зубам. – Ты помнишь на счет сегодня? – взял девушку за руку и потянул к окну. Приткнулся на подоконник и усадил Полину на колено.

– Леш, я не уверена, что мама меня отпустит, – потупи-

ла взгляд и выгнулась дугой, потому что горячая огромная ладонь любимого парня прошла по спине оглаживающе и расслабляюще.

– Бляя... – запнулся и выдохнул громко сквозь зубы. – Никкак не привыкну к тому, что мне нужно отпрашивать свою девушку на свидание.

– А больше и не выгорит, Воронцов, – Макеева весело посмотрела на Лешу. – Мама тебе не доверяет, – хмыкнула и уткнулась парню в плечо.

Лёшины плечи затряслись в приступе беззвучного смеха.

В последний раз, когда Воронцов отпрашивал Полину на свидание, он вернул девушку лишь под утро. Под глубокое утро. Растрепанную, румяную, со следами полос от однодневной мужской щетины на скулах и огромным кричащим засосом на шее прямо под подбородком.

Татьяна Борисовна тогда осыпала парня проклятиями, а дочь обозвала бессовестной девкой.

– А мы Гризманна на нее натравим, – проговорил в ароматную макушку. Глубоко потянул любимый ванильный запах волос.

Макеева задумалась и расхохоталась снова.

Вспомнила, как несколько дней Воронцов уламывал Татьяну Борисовну отпустить Полину на картинг. Бесполезно. Ни цветы не помогли, ни билет в партер на спектакль немецкого режиссера-постановщика, стоимостью чуть дешевле его почки. Ничего.

А на третий день Воронцов притащил с собой в качестве тяжёлой артиллерии Роберта. Парень настолько впечатлил женщину знаниями в области истории Древнего Египта, что строгая училка истории Татьяна Борисовна поплыла под эрудированностью Гризманна и вручила парням дочь со словами: «Проследи за ней, Роберт». Он произвел на нее колоссальное впечатление: умного, ответственного, положительного молодого человека, который, по мнению Татьяны Борисовны, однозначно подходил ее дочери, а не этот, вахлак недалекий. Леха... У него и имя было простецкое. Мещанское. А Роберт – звучало кричаще, интеллигентно, представительно.

– Не знаю, Леш, – печально опустила голову Макеева. – С ней сложно договориться.

Воронцов не знал от слова совсем, что происходило за дверьми квартиры его девушки. Мать Полины бесновалась. Запрещала всякое общение с Алексеем, угрожала, истерила, плакала...

– Полинкин, малыш, – Лёша прихватил подбородок и поднял лицо девушки, стянув с нее свою кепку и заставляя смотреть на себя. – Сегодня твой праздник. Ты окончила институт. Защитила дипломную на «отлично». Мы обязаны это отметить, – прикоснулся нежно к губам. – Я тебя заберу. Скоро, – прошептал прямо в сладкий рот, обжигая горячим шепотом.

– Это... как, Леш? – удивленно округлила глаза девушка.

– Я сдала! – молодые люди одновременно обернулись на радостный вопль. – Сдала!

Кристина хлопнула дверью и ринулась к друзьям. Подлетела к улыбающейся подруге, бросилась на шею.

– Поздравляю! – радовалась Полина. – Пять? – с надеждой спросила.

– Смеешься, Макеева? – прыснула Гордеева. – Нафига она мне нужна? Четыре! – довольная собой сообщила Кристина. – Привет, Лёш, – голос Гордеевой опал и стал робким. – Поздравишь?

Глава 7.

Наши дни

– Пойти с тобой? – Роберт помог Полине выбраться из машины и неуверенно заглянул в глаза.

То, что девушка провела в его обществе вечер, еще не позволяло парню чувствовать себя расслабленно с ней. Он не совсем понимал, как себя можно вести, о чем говорить и что ему было позволительно. Гризманн дико боялся спугнуть момент, когда Полина стала чуть более откровенной и разговорчивой. И тот факт, что она поделилась с ним прошлым субботним вечером причиной своего возвращения в город, для Роберта значило достаточно, чтобы постепенно начать прибавлять обороты.

– Думаю, что не стоит. Подождешь нас здесь? – Полина же выглядела уверенней.

Это Роберта потряхивало от одного только понимания, что теперь в салоне его тачки кружит запах девушки, от которой сносило башку. А Макеевой было ровно на Гризмана, и он это с прискорбием, но понимал и собирался исправить. Всеми, черт возьми, силами и способами.

И один из них так удачно подвернулся.

Роберт позвонил Полине сегодня утром и предложил составить компанию за обедом. Ненавязчиво и деликатно. Так, между прочим. Гризманн умел деликатно.

Удивительно, но Полина его не отбрила, а также деликатно отказала, ссылаясь на то, что в это время ее мать выпи- сывают из больницы. Гризманн долго не раздумывал, когда предложил помощь, а Полина не раздумывала, чтобы ее при- нять.

Ей было все равно, о чем подумает ее мать.

Ей давно уже плевать, что она скажет в принципе, как по- смотрит и какие выводы сделает. Она неплохо провела вре- мя в субботу в обществе старого знакомого и ничего сверхъ- естественного не произошло. У Роберта была иная компа- ния, люди, которых Полина не знала, и ее не знал тоже никто. Комфорт, которым окружил ее Гризманн, она приняла бла- годарно. Он не лез в душу, не засыпал вопросами, на которые не хотелось отвечать, и был предельно дружелюбен. Гриз- манн всегда был таким. Полина помнила. От него и раньше веяло стабильностью и штилем. И, наверное, не было ничего страшного в том, что девушка поделилась с ним личным и приняла помощь – забрать Татьяну Борисовну из больницы.

Почему она не может принять помощь друга? Они же ко- гда-то ладили. И неплохо. Не ругались и между ними не про- изошло того, что могло бы препятствовать их общению.

Кроме одного...

Но эта причина не маячила на горизонте, и единственная мысль в голове девушки все-таки прошмыгнула: Роберт с давним другом действительно не общаются... Почему?

Но этот вопрос был настолько скоротечным и стремитель-

ным, что быстро сотлел вместе с углями.

– Без проблем, – Гризмани опустил руки в передние карманы джинсов и мягко улыбнулся.

Полина благодарно кивнула и, повесив сумочку на плечо, двинулась в сторону офтальмологического отделения, но спустя несколько шагов обернулась.

Посмотрела на молодого человека. Не таясь, не стесняясь.

Обвела взглядом мужское лицо: ухоженное, четко и представительно оформленная борода, загорелая кожа. Спустилась ниже, заостряя внимание на широких плечах, обтянутых синей рубашкой. С длинными рукавами.

А на улице в обеденный час пекло. Мареву запустило липкую испарину по телу.

Даже хлопковая майка на тонких лямках, заправленная в бриджи, приносила невыносимый дискомфорт и липла к коже. Как он терпит? Интересно, Роберт когда-нибудь нарушал правила? Установленные самим собой? Выходил за границы собственной дозволенности или всегда оставался верным себе? Какой он? Всегда обходительный и терпимый... смог бы он залезть в городскую клумбу и нарвать букет из сальвии? А потом, схватив её за руку, бежать от охранника парка?

Роберт вопросительно выгнул бровь. Хотел спросить, что случилось и почему девушка вдруг так на него смотрит, но Полина отвернулась и ускоренно зашагала:

– К черту! – пробубнила, смотря себе под ноги.

Раздражение на саму себя накрыло медным тазом, по ко-

торому монотонно долбили воспоминания. Какого черта она об этом думает? Какого черта непрошенные флешбэки, похороненные в Питере, ураганом ворвались в голову и нахреначили в ней беспорядок? Указательными пальцами растёрла виски и завернула за выбеленный двухэтажный корпус. Как школьница забилась в заплёванный угол и полезла в сумочку за сигаретами.

Руки дрожали, отчего сигарета выпала из пальцев.

– Зараза, – прошипела Полина и растоптала ее подошвой абаркаса с ремешком на пятке.

В Северной столице пачки сигарет Полине хватало на несколько месяцев. В Калининграде она всего неделю, а половина уже скурена. Это плохо. Плохо настолько, что внутренний маячок сигнализирует о критике ее положения.

Сигареты, как местная седация, успокаивали Макеевой нервы. И если их в пачке оказалось мало, значит, нервничать девушка стало больше. Это очевидно, как и то, что как только Татьяна Борисовна перестанет нуждаться в ее физической помощи, она сразу вернется в Петербург.

Трусливо затянувшись пару раз, закинула в рот мятную жвачку и решительно отправилась в «глазное» отделение.

– Эта пелена так и не сошла. Всё в дымке. Я практически ничего не вижу и уже жалею, что сделала операцию, – бурчала Татьяна Борисовна.

– Я в этом не сомневалась, – прошептала Полина так, что

не услышал бы даже комар, сидящий на носу, но женщина услышала.

Девушка знала, как бы отлично и успешно ни была проведена операция, в любом случае будет плохо. Это настолько ожидаемо, что не удивительно.

– О чем ты, Полина? – хромая, она вцепилась в локоть дочери, словно ей провели операцию на ноге, а не по замене хрусталиков глаз.

– Ты говорила об этом лечащему врачу? – оставив без ответа вопрос, девушка поудобнее перехватила спортивную сумку с вещами матери.

Вопрос для проформы.

Потому что Полина и так была уверена, что женщина уже давно и надежно вынесла мозг всему отделению офтальмологии.

– Конечно! – возмутилась Татьяна Борисовна. – Но он сказал, что это нормальная реакция! Как она может быть нормальной, если до операции я хотя бы что-то видела, а сейчас глаза слезятся, и кроме расплывчатых силуэтов я ничего не вижу? – сокрушаясь. – Мне кажется, они меня обманули. Доверять никому нельзя, – хмыкнула Татьяна Борисовна и ловко переступила через валяющийся на асфальте фантик из-под конфеты, который не заметила даже Полина.

– В чем обманули? – девушка повернула голову и посмотрела вопросительно на мать, глаза которой были спрятаны под солнцезащитные очки.

– Думаю, они поставили мне старые хрусталики. Непригодные, – Полина закатила глаза, что не осталось не замеченным от ее матери. – Что? Чему ты удивляешься? Ведь никак не проверишь! А потом скажут, что никто гарантии не давал. Никому нельзя доверять. Никому. А мои новые хрусталики продадут за деньги, и положат себе их в карман, – философски заключила Татьяна Борисовна.

Полина слушала этот абсурд и находилась в полнейшем ахере.

В том, что никакой подмены хрусталиков не было – девушка не сомневалась. Удивляло другое – как можно было прожить всю жизнь в состоянии постоянного контроля всего, недоверия и выискивания во всем обмана? Хотя на этот вопрос у Полины всё же был ответ и весьма убедительный, но спустя время и переосмысления даже эта причина не стоила того, чтобы ненавидеть весь мир.

Полина задумалась.

С другой стороны, а чем отличалась она от собственной матери? Тем, что ненавидела не целый мир, а свой личный микромир? Тем, что видела его уже не таким цветным и радужным, но и не черным, как мать, а на несколько оттенков светлее? Скажем, темно-серым?

– Ох, уже это солнце. Палит нещадно, – Татьяна Борисовна обмахнулась рукой, выдернув Полину из размышлений. – Я не поняла, – женщина приспустила очки на нос, – там Роберт Гризманн, что ли? – всмотрелась вперед и останови-

лась.

– Гризманн, – подтвердила Полина тоном, давая понять, что он здесь не просто случайный прохожий.

– Ты мне не хочешь ничего сказать? – женщина повернулась к дочери и наградила взглядом «что произошло за время моего отсутствия?».

– А что бы ты хотела услышать? – Полина твердо выдержала этот взгляд.

– Правду, разумеется, – вспыхнула Татьяна Борисовна.

– Правда такова, что Роберт предложил помощь в качестве нашего водителя. Я согласилась, – пожала плечами Полина. – Или на такси было бы удобнее?

– Дело не в этом. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. – Вы общаетесь?

– Мам, потом, – бросила на женщину предупреждающий взгляд. – Давай не будем заставлять человека ждать?

– Ох, Полина, – недовольно покачала головой Татьяна Борисовна. – Могла бы и предупредить мать, – поправила шифоновую кофточку. – Что у меня на голове? – провела рукой, взбивая шевелюру, выкрашенную в сочный каштан.

– Волосы, мам. Идем, – подхватила женщину под локоть и уверенно повела в сторону ожидающего Гризманна.

– Татьяна Борисовна, – Роберт растянул губы в дружелюбной приветливой улыбке, – добрый день! С каждым годом становитесь краше и молодеете! Выглядите бесподобно! – подхватил руку женщины и прикоснулся к запястью губами.

– Роберт, здравствуй, дорогой! – зарделась женщина, превращаясь во флиртующую аристократку. – Скажешь тоже, – смущенно отмахнулась. – Ну какая я могу быть после больницы? Не преувеличивай! Ох, милый, с глазами у меня проблемы, – принялась вывалить на парня всё, что можно и нельзя под отрешенный взгляд Полины. – Ну а ты, смотрю, возмужал, – прошла оценивающе по фигуре молодого человека. – Такой важный стал, – глупо рассмеялась, отчего Полина закатила глаза.

Роберт довольно улыбнулся и забрал из рук девушки сумку.

Последний раз с Татьяной Борисовной они виделись около четырех лет назад, когда парень примчался узнавать адрес Полины в Питере. Женщина тогда по просьбе дочери ничего не сказала, но распрощались они на позитивной ноте: выпили чай, поболтали и пожелали друг другу добра. Злиться на Гризманна у Татьяны Борисовны не было причин. А вот то, что дочь возобновила с ним общение, женщину насторожило.

– Вы мне льстите, Татьяна Борисовна. Но благодарю от всего сердца. Как поживаете? – Роберт открыл багажник и положил туда сумку.

Распахнул дверь машины, приглашая женщин внутрь. Протянул Татьяне Борисовне руку, помогая усесться в салон, в то время как Полина, не дожидаясь своей очереди, ловко запрыгнула на переднее сидение самостоятельно.

Роберт увлеченно слушал (либо талантливо делал вид) и поддакивал жалующейся на жизнь женщине. Полина, слушая их щебет вполуха, поймала себя на мысли, что ее мать и Роберт всегда очень легко находили общий язык. И тем для разговора у них было больше, чем у нее с родной матерью. Сейчас они выглядели как два встретившихся еврея на рынке.

– Полина, дочка, у нас же дома есть чем пообедать? – Полина задумалась, почувствовав, как от нее ждут ответа. Роберт слева замер, а мать елозила сзади.

Обернулась через плечо и посмотрела на Татьяну Борисовну, которая посылала ей такие фибры, от которых сквозняк гулял по ногам.

– Что-нибудь найдется, – туманно ответила Макеева и взглянула на Роберта. Он смотрел вперед, уверенно управляя автомобилем.

Почувствовав на себе взгляд девушки, повернул голову. Улыбнулся.

– Роберт, дорогой, извольте с нами отобедать? – принялась расшаркиваться Татьяна Борисовна. Полину бесили ее напускные благородные речи. Она еле сдерживала губы, что из них не вырвалось то, что не понравится никому в этой машине.

Девушка резко посмотрела на Роберта. Он глядел на нее, зрительно спрашивая разрешения.

Ну а что тут скажешь? При стойком желании отказать, По-

лина не имела права так цинично поступить с парнем. Однако, Полина его не просила помогать, он вызвался сам, а, значит, о каком чувстве благодарности идет речь?

Девушка пожала плечами, давая понять, что предоставляет парню выбор: соглашаться или нет.

– Не откажусь, Татьяна Борисовна. Спасибо.

Полина отвернулась к окну. Чувство смятения навалилось неподъемным грузом. Плечи сдавило. Она не то, чтобы не хотела видеть Гризманна у себя дома, она вообще никого не хотела впускать в свою жизнь.

Перед Робертом суежилась Татьяна Борисовна. По большому счету она же ухаживала за ним как за дорогим и важным гостем, напрочь позабыв, что практически ничего не видит. Она даже сослепу сумела разглядеть марку часов на его запястье, выгравированную муравьиным шрифтом.

Полина в основном молчала.

Без аппетита гоняла по тарелке кружок огурца и смотрела сквозь Роберта и мамы. Этим двоим было неплохо совместно. Интересно.

Чего не скажешь о девушке, мечтающей поскорее свернуть трапезу и уйти из дома. Прогуляться.

Возможно, съездить к морю.

Она еще не была на море.

Не здоровалась с ним и не общалась.

Полина любила разговаривать с морем. Оно ей отвечало.

Всегда. На любые вопросы у него был ответ и свое собственное мнение. И пять лет назад девушка ему даже завидовала.

Сейчас она смогла бы с ним поспорить. Сейчас у нее есть свое мнение.

– ... конечно. Правда, Полина? – донесся до девушки обрывок фразы Татьяны Борисовны.

– Что? – переспросила, глядя попеременно на мать и на Гризманна, внимательно блуждающего по лицу Полины.

– Ты где летаешь? Я сказала, что в среду ты абсолютно свободна и сможешь сходить с Робертом на уличную выставку... – задумалась, припоминая, – как ты сказал Роберт?

– Выставка художников стрит-арта, – не растерялся парень.

– Точно, – благодарно улыбнулась ему женщина.

Полина опешила.

С глухим ударом опустила локти на обеденный стол так, что Татьяна Борисовна нервно заморгала. Этот вахлацкий жест женщина ненавидела. Так делал *Он*. Невоспитанный чурбан.

– Я не знаю, – уверенно отчеканила, глядя в глаза родительнице. – Обещать пока не могу, – перевела внимание на Роберта, отчего парень смутился.

– А какие у тебя дела, Полина? Меня будешь караулить? Сходи с парнем, развейся и...

– Мама, – жестко обрубил, – давай я сама решу? – гаркнула так, что задрезжал стакан с водой.

Это было грубо. По отношению ни сколько к матери, сколько к Гризманну, и Полина это понимала. Да вот только она уже не та девочка, радеющая о чувствах других.

И контролировать свою жизнь Полина больше никому не позволит.

Хватит. Удивительно, насколько быстро Татьяна Борисовна сориентировалась и вновь попыталась взять под контроль жизнь Полины.

Но теперь у девушки имелось достаточно внутренней силы воли, чтобы противостоять. У нее были «очень хорошие» учителя...

– Ну...кхм, – откашлялась женщина, – хорошо. Я просто хотела, чтобы ты...

– Роберт, чай или кофе? – перебила мать Полина.

А это было еще грубее. Негостеприимно и показательно. Просто кричало о том, что кому-то пора уходить.

– Наверное, откажусь, – Роберт стянул салфетку с джинсов и положил на стол. – Мне уже пора. Спасибо, Татьяна Борисовна, – встал и галантно подхватил руку женщины. Снова, как при встрече, прикоснулся к запястью, оставляя невесомый поцелуй, не касаясь кожи. – Всё было на высшем уровне. Как всегда, Татьяна Борисовна, – откланялся. – Полина, – перевел внимание на девушку, – проводишь?

Коротко кивнув, Макеева вышла в прихожую.

Глава 8.

– В каком-то журнале я прочитал, что таинственным граффитистом Бэнкси является Робин Каннингем из Бристоля, но я считаю, что вряд ли бы парень так просто дал себя рассекретить. В этом его фишка – оставаться загадочным уличным художником, – размеренно вещал Гризманн, опустив кончики пальцев рук за пояс джинсов сзади и мерно вышагивая.

Они с Полиной неторопливо шли вдоль Верхнего озера, где проходила выставка граффитистов, посвященная самому противоречивому художнику стрит-арта, загадочному Бэнкси, работы которого оцениваются в миллионы долларов.

Роберт, впечатленный увиденным, рассказывал девушке интересные факты о художнике и наслаждался ее обществом. А Полина слушала. Слушала и молчала, периодически выпадая и плавая где-то между повествованием Роберта и мыслями о том, что неплохо бы, пока она находилась в отпуске и имела достаточно свободного времени, сходить к женскому врачу, у которого она последний раз была лет девять назад, когда проходила медкомиссию на первом курсе и краснела под вопросом гинеколога о сексуальной жизни, которой у нее не было. Если в этот раз доктор задаст ей подобный, она ответит аналогично: её нет. Сексуальная жизнь Полины закончилась четыре года назад близостью, о кото-

рой девушка вспоминает с содроганием и омерзением к себе. Возможно, именно отсутствие личной жизни является причиной ее нерегулярного цикла, о чем Полина, собственно, и хотела проконсультроваться.

– ... когда ставка достигла миллиона долларов, хозяин лота остановил аукцион. Полина, тебе не интересно, я прав? – Роберт остановился и повернулся к молчаливой собеседнице, которая в этот момент прикидывала, на какое время ей будет удобнее записаться, отталкиваясь от врачебных назначений матери.

– Что, прости? – посмотрела на Гризманна флегматично.

– Как тебе выставка? – усмехнувшись, Роберт отчетливо понял, что за всё время, пока он распинался, девушка была не с ним.

– Я не любитель уличного творчества, но некоторые работы оценила, – натянута улыбнулась.

Врать Роберту не хотелось. Она сказала, что думала. За четыре года Полина научилась говорить откровенно и юлить, чтобы кому-то понравиться и оправдать чьи-то ожидания, Полина больше не собиралась. Теперь у нее есть свое собственное мнение, которое имеет место быть и требует, чтобы с ним считались.

К слову, Макеева вообще не планировала идти с Робертом на этот перфоманс, но недосоленная тушеная капуста стала спусковым механизмом для Татьяны Борисовны, целый день выискивающей, за что можно было бы зацепиться. Полине

невыносимо было находиться с матерью в одном квадратном метре, и это понимание как ничто иное подгоняло Макееву обратно в Петербург. Калининград ее расслаблял. Расхолаживал. Обилие свободного времени давало возможность ненужным мыслям забивать голову. Непрошенные воспоминания как зомби выползали из чертогов и нападали неожиданно. Особенно ночами, когда темнота становилась их проводником.

Слова Полины Роберта кольнули. Прошлись острой бритвой по нервам и самолюбию, потому что достать билеты на выставку было сложнее, чем попасть на атомоход. Он понятия не имел, чем удивлять девушку. Как расположить к себе и вызвать в ней хоть какие-то эмоции, кроме холодного отчуждения.

– Вновь мимо? – печально изогнул бровь. Иронично улыбнулся. Скорее над собой. Над своей невезучестью или неудачей. Как это назвать? Неумением? Отсутствием харизмы или, может быть, проклятьем? Что он делал не так?

Полина уловила настроение Гризманна. Обвела глазами его лицо, лоб которого разрезали горизонтальные задумчивые складки.

– Роберт, я тебе очень благодарна. Ты стараешься для меня, но... – резкий, бьющий по перепонкам звук из установленных колонок перебил девушку.

Полина перевела внимание в сторону, где нарастала толпа зевак, облепивших трёх музыкантов.

Парень с длинными волосами, торчащими из-под банданы, закинул через плечо ремень гитары и подошел к установленному по центру микрофону.

– Но? – переспросил Роберт, напоминая о себе.

– Раз, раз... – настраивал звук музыкант.

– Полина? – настаивал Гризманн.

Воздушный хрустальный фортепианный аккорд на синтезаторе...

И мягкий голос:

Вечер окутался тайной.

Ты не узнаешь случайно,

Что свет в моем окне

Уже погас давным-давно.

Лето подарок природы

Радует теплой погодой.

Июльский вечер мне

Погасит в этом сне окно

(М.Насыров «Кто-то простит»)

Летними вечерами на Верхнем озере ежегодно можно было встретить кавер-группу. Прекрасный насыщенный туристический сезон для заработка всегда нищих, но безумно амбициозных музыкантов.

Солнце висело низко, готовое вот-вот упасть за горизонт. Теплый вечер ласкал оголенные плечи Полины, а пронырливый ветерок с озера трепал полы широких летних брюк. Обволакивающий тембр голоса парня разносился по набереж-

ной, привлекая внимание прогуливающихся.

Полина неотрывно смотрела на солиста, будто не дышала, глотая каждое спетое слово.

А Роберт смотрел на нее. Недоумевая.

Так просто? Вот это Полине нравится? Три патлатых пацана, тянущих слезливую песню времен его отца?

– Хочешь, подойдем ближе? – коснулся дыханием щеки замершей девушки.

Полина опомнилась. Вынырнула и отрицательно мотнула головой.

– Не хочу, – грубо бросила и поправила цепочку сумочки на плече. – Пойдем.

...И под шольской луною

Берегом стать и волною.

Произнести опять слова

Которых не понять.

Что-то такое болезненное и тревожное разрасталось в груди. Полина не понимала, почему разволновалась. Сердце разогналось, юлой закрутилось.

Она убегала.

От песенных слов убегала зачем-то.

Роберт еле поспевал за Полиной, отставая на несколько крупных шагов.

– Поля, что случилось? – окрикнул.

Но девушка неслась вперед, глядя себе под ноги, а голос настойчиво гнался за ней, ураганом разбрасывая мысли:

Кто-то простит, кто-то поймет.

Но от меня любовь не уйдет.

И на песке, размытом волной.

Я напишу образ твой.

Остановилась.

Замерла.

Глядя перед собой.

– Полин, тебе плохо? – промаячил где-то сбоку обеспокоенный голос Роберта.

А она не слышала ничего. Ни единого слова.

В ушах гудели слова песни проклятые.

Смотрела вперед, а внутри через мясорубку внутренности прокручивались. Медленно, с наслаждением.

Горло спазмом схватило.

Пульс пулеметными залпами зашелся...

Он тоже смотрел на нее.

И не верил. И ошибиться страшно. А как можно ошибиться, если каждый атом внутри кричал «ОНА!»? Как ошибиться, когда смотрела глазами своими тягучими, вязкими как расплавленная карамель?

– Вот черт, – Роберт поравнялся с Полиной, укрывая от фигуры, нависшей грозовым фронтом.

Откуда он здесь? Почему? Почему сейчас? Зачем?

Роберта вращало внутри. Как на карусели в парке аттракционов, когда уже блевать хочется, а она всё крутится и крутится... Крутится и крутится...

– Лёх, давай без истерик? – предупреждаяще выставил пятерню Гризманин, тормозя слегка подавшегося вперед Воронцова.

Алексей только сейчас заметил бывшего друга. Перевел взгляд с Полины на него.

Потом снова на девушку. Полина... Роберт...

Это как?

Воздух моментально загустел, забродил, скис.

– Па, – тихий, тоненький голосок ворвался в самую гущу этого воздуха.

Полина вздрогнула.

Медленно глазами проскользила по Воронцову, запирая каждую дверь в памяти, чтобы ничего в ней не сохранилось. Ни единого миллиметра его тела, одежды, эмоции.

Опустила взгляд вниз, ощутив удар под дых.

Кудрявый белобрысый мальчонка вцепился маленькими ручками в икру мужчины. Испуганно нахмурил светлые бровки и уткнулся носом в джинсы, прячась от настойчивого внимания чужих глаз.

«Полинкин, я сделаю генетическую экспертизу. Зефирка, – упал перед ней на колени, обхватывая щиколотки девушки руками, вцепился клещами намертво, словно она вот-вот исчезнет, – этого не может быть. Я не верю! Это не мой ребенок, Зефир! Любимая моя, родная...».

Как же не твой? Когда у вас с ним одно лицо и кудряшки такие же озорные, мягкие, светлые... А глаза голубые-голу-

бье, чище и прозрачнее, чем капля росы...

Воронцов опустил ладонь на затылок ребенка и прижал к себе теснее. Поднял глаза, в которых плескалось жгучее раскаяние, и виновато улыбнулся. Кротко, болезненно, безвыходно...

Полина стойко и невозмутимо выдержала этот взгляд, не давая повода ничему. НИЧЕМУ.

Никто не должен был знать, что творилось у нее внутри, потому что снаружи она – айсберг. Холодный, острый, опасный.

Хотелось курить. Дико и прямо сейчас.

Все это пройдет.

Уже проходит.

Ничего не случилось. Ничего.

Нужно уйти.

Опустила голову и словно случайного незнакомца обошла стороной.

А он и есть незнакомец. Чужой. И не знает она его вовсе. Не помнит. Всё забыла. Всё.

Дышала ровно и глубоко, только мороз хлыстал по щекам. И руки окоченели.

Шла вперед, не оглядываясь, не оборачиваясь, не слушая и не ожидая шагов.

Обняла себя руками, но внезапно почувствовала, как крепкие руки сомкнулись под грудью. Ничего не дрогнуло внутри от прикосновений. Глухо.

– Полина, – Роберт уткнулся девушке в висок и сделал глубокий вдох. – Всё хорошо. Все хорошо, – успокаивающе провел пальцами по позвоночнику.

А она просто смотрела в никуда.

– Холодно что-то... – прошептала и обвила парня за талию, тесно прижимаясь. – Отвези меня домой.

Глава 9.

Пять лет назад, июнь

– Я маякну, отец, – Алексей Воронцов ободряюще хлопнул ладонью по плечу водителя такси, и выпрыгнул из салона в след за друзьями. – Давай.

Пожилой мужчина согласно кивнул и проехал немного вперед, припарковавшись вдоль дороги.

Парень размашистыми шагами двинулся в сторону смеющихся друзей, ощущая внутри себя легкое, приятное волнение.

Фонарный столб ярко освещал лица покрасневшихся друзей в гуще позднего вечера. Празднование успешного окончания института девчонками в «Карфагене» отлично справилось с настроением перед основным событием сегодняшнего дня, что активнее подстегивало Воронцова к действию.

Слегка охмелевшая, румяная и раскрепощенная Полина смотрела на шагающего к ним Лешу как на икону, святыню или же чудо. Расслабленная зефирка нравилась Воронцову до беспамятства и взгляд, которым она его облизывала, доказывал, что он все делает правильно.

Кристинка хохотала в голос, нарушая тишину незаселенного района, на котором шла активная стройка домов жило-

го комплекса. Сделав глоток игристого вина из горлышка, она, смеясь, передала бутылку Гризманну. Тот, не гнушаясь, несколько раз пригубил и вернул Гордеевой обратно.

Леша улыбнулся. Если Роберт пил из общей бутылки, не отерев горлышко о рукав, значит, это ровно та степень его кондиции, которая стремилась к своему апогею. Брезгливый Гризманн никогда бы не позволил себе такое безрассудство в трезвом уме. А Полина не пила. Одного бокала Апероля ей хватило, чтобы глупо улыбаться и лезть к Воронцову целоваться самой. Белый воздушный сарафан парил в воздухе, отчего делал девушку легкой и нежной. Леша поймал себя на мысли, что никогда не видел свою зефирку в брюках или же в джинсах. Она всегда надевала платья, сарафаны, либо юбки. Настоящая девочка. Самая-самая девочка! Он и не представлял, как такие ножки можно прятать в брюках. Она – само олицетворение женственности и чувственности! Его неповторимая, единственная зефирка! Его персональный магнит, к которому постоянно притягивает! Как же так он влип? Как так случилось, что за короткое время эта девушка просочилась в каждую клетку, в каждый сосуд его тела, заняла всего мысли, вытесняя все безрассудство и глупости, творившиеся в его бедовой голове? С ней не хотелось чудить, с ней хотелось становиться чудом. Её чудом. Единственным. Чтобы вот так, как сейчас на него смотрела с обожанием, а он все для этого сделает.

За десяток метров Воронцов тормознул.

Волнение разрослось неконтролируемо. Он терпеть не мог, когда что-то выходило из-под его контроля. Когда от него мало что зависело, потому что доверять ребятам, не понимающим русскую речь, кроме двух слов «начальник» и «деньги», было крайне неосмотрительно и раздражающе. Воронцову приходилось лишь надеяться, что для друзей из Ближнего зарубежья перспектива заработать станет мотивирующим фактором.

Алексей вытащил из кармана джинсов телефон и начал дозвон:

– Нацайника? Всё готофа, нацайника, – сходу отчитался голос.

– Ты уверен, Зуфур? – недоверчиво переспросил Воронцов и подмигнул Полине, наострившей уши. Девушка нахмурилась и выжидательно смотрела на своего парня, резко остановившегося. Леша показал указательным пальцем на трубку телефона, давая понять всю важность звонка.

– Всё готофа, – повторил мужской голос с акцентом.

– До десяти считать умеешь? – поинтересовался Воронцов с надеждой.

– Всё готофа, нацайника, – подтвердил Зуфур фразой, которую знал на зубок. Впрочем, единственной фразой, которой вообще владел.

Алексей закатил глаза и обреченно посмотрел на недостроенную высотку. Где-то там двадцать два таких Зуфуров должны будут одновременно справиться с поставленной за-

дачей. И не понятно, понял ли хоть один из них всю степень ответственности, или же стоит сразу свернуть представление. Репетиции у них не было, и сегодняшнее шоу будет эксклюзивом. Хотелось бы надеяться, что успешным эксклюзивом.

– До трех досчитать сможешь? Зуфур, когда я скажу «три», врубай, понял?

– Поняль, поняль.

Воронцов набрал больше воздуха и с шумом выдохнул:

– Раз, два...

Окна в недостроенной многоэтажки моргнули асинхронно.

– Твою мать... – прошипел Алексей в трубку вместо оговорённого «три».

«Идиоты», – подумал про себя, покачал головой и отбил звонок.

Вмиг всё погасло, даже освещение убегающего в черное небо высокого строительного крана, что привлекло внимание девушек и Роберта. Молодые люди повернулись в сторону недостроя.

Кристина Гордеева подавилась шампанским и закашлялась, а Гризманн восхищенно присвистнул, когда окна здания вновь загорелись розовым свечением в виде правильно аккуратного сердца. Одновременно и эффектно. Озарило темную пустынную улицу.

Воронцов довольно улыбнулся. Накинет Зуфуру десятку.

Заслужил, чертяка!

Получилось!

Обязано было получиться, потому что столько труда было положено, что страшно вспоминать. Договориться с начальником стройки не удалось. Строгий Михалыч послал Воронцова на три буквы, а потом еще раз красноречиво уточнил направление этими же буквами вдогонку.

Ночная охрана из выходцев страны бывшего Советского Союза была поговорчивее. Там, на Родине, у них жены и с десяток детей, которые хотели кушать. Там, на Родине, денег, которые предложил им Воронцов, хватило бы, чтобы кушать каждый день в течение нескольких месяцев.

Сложнее всего оказалось с определением окон, в которых должен был загореться свет. Тут ребята оказались профдезориентированы. И Воронцову пришлось самому высчитывать этажи и окна.

Но сейчас, когда девушки одновременно восхищённо вскрикнули в момент сказочного мерцания сердца, Алексей понял, что все труды были не напрасными.

Полина заворуженно смотрела на окна, боясь пошевелиться. Жаль, что Леша в этот момент не видел ее лица. Он быстро обернулся и махнул рукой водителю, находящемуся «на старте». Тот ловко выскочил из машины, пока друзья наблюдали за вспыхивающей огромной фигурой, и поспешно подбежал к Воронцову. Отдал необходимое и также стремительно скрылся в салоне такси.

Сердце парня тарахтело как умалишенное. Сквозь ребра пробивалось и к горлу подпрыгивало. Он бесшумно подошел к Полине Макеевой сзади и подался вперед, коснулся носом волос, затем наклонился к букету и потянул аромат. Не то. Вновь вдохнул любимый запах распущенных волос – идеальная ваниль! Вот теперь то!

Первым его заметил Роберт. Распахнул глаза, чуть не подавился. Воронцов весело ему подмигнул, приложил указательный палец к губам, еле слышно прошепел: «Тшш».

Опустился на колено.

Да, банально, да, глупо, но именно так она заслуживала. Только так. Как делали издавна настоящие рыцари для своих зефирных Принцесс.

Девушки услышали позади себя шелест. Одновременно обернулись и ... остолбенели.

Глаза Полины округлились. Ладонку к губам приложила в неверии. Ноги в землю вросли. Смотрела на парня, одним коленом в асфальт пыльный уткнутого. Не верила глазам своим. Не верила, что с ней это сейчас происходит. В одной руке Воронцова бросался в глаза букет: необычный, как сам парень. Собранный не из цветов, а из розового и белого зефира. Нежный, воздушный и ароматный. Терпкая ваниль моментально ударила в голову точно шампанское.

– Полинкин, я хочу, чтобы наши зубные щетки стояли всегда рядом. Ты как интернет, и мне тебя постоянно не хватает, – Полина хохотнула и покачала головой. Ну какой же бал-

бес! – Ты как второй носок, я очень долго тебя искал, – Воронцов не готовился. Возможно, это совершенно не те признания, которые бы хотела услышать девушка во время прощения руки и сердца, но в этом был весь Леша – парень, с которым никогда не приходилось скучать. – Ты как пятихатка, которую теряешь в старой ветровке: когда я тебя нашел, я стал счастливым. Поэтому, Зефирка, выбирай: либо ты выходишь за меня замуж, либо я на тебе женюсь! – Алексей раскрыл ладонь, в которой лежало колечко. Тоненькое и изящное, как сама девушка в белом летнем сарафане. Без бархатной коробочки, без всего лишнего, только оно: золотое, с драгоценным камушком, аккуратным, миниатюрным, утонченным.

По лицу девушки скатилась слеза. Полина улыбалась и качала головой не в силах поверить. Закрыла глаза ладонями, потому что мир начал вращаться, с каждым новым витком становясь меньше и меньше, пока не достиг размера, в котором находился лишь парень, стоящий перед ней на колене, и она, возможно, глупая, возможно, наивная, но абсолютно уверенная в том, что скажет ему «да!».

Кристина Гордеева вспыхнула, когда подруга бросилась в объятия своего парня. Отвернулась и поднесла бутылку к губам, нервно глотая вмиг ставшее горьким и мерзким шампанское. А Роберт молчаливо смотрел на друга, не узнавая, что он – тот самый беспредельщик Леха Воронцов, втягивающий друзей в приключения, стоит на одном колене и про-

сит руки и сердца у девушки, которую едва знал. Протест сдавливал горло, душил. Но счастливые лица друзей быстро уgomонили разбушевавшийся внутри ураган.

Полина оторвалась от губ любимого и посмотрела на Роберта и Кристину:

– Ребята, вы же не откажетесь стать нашими свидетелями?

Глава 10.

Наши дни

– Во сколько следующие капли? – Полина закрутила пластиковый тубик и посмотрела на мать, которая, запрокинув голову, водила глазами влево-вправо, распределяя лекарство.

Количество глазных средств поражало. Девушке казалось, что от такого изобилия препаратов видеть женщина должна была острее орла. Но ежедневные причитания матери о том, что она не может разглядеть даже включенный газ, наводили на девушку подозрительные мысли.

– В обед, – уточнила Татьяна Борисовна.

– Ясно. К этому времени я уже приеду. Куда убрать? – кивнула на капли.

– Не понимаю, – пренебрежительно фыркнула женщина, вставая с дивана, – зачем тащиться в платную клинику, платить бешенные деньги, когда можно сходить по месту жительства? – Татьяна Борисовна нагнулась и подняла с пола крошку. – На полку положи, – махнула рукой на ящик с глухой дверцей в зальной деревянной горке.

– Я не буду платить никакие деньги, мам. Я тебе уже рассказывала, что за меня оплачивает организация, – открыла створку, где на полке точно солдаты были выстроены различные лекарственные баночки, тубики и флакончики. По-

лина шокировано покачала головой. – У меня полис ДМС, – вытянула руку, чтобы поставить капли в ряд с другими собратьями, как взглядом зацепилась за связку ключей. Сердце дернулось. Толкнулось. Но тут же выровняло свой ритм. Откуда они здесь? И почему мать их не выбросила? – Тебе во сколько в больницу? – стремительно захлопнула дверцу, словно закрывая дверь в прошлое. Взволнованно обернулась и посмотрела на женщину.

– К двум. Я же тебе говорила, – удивленно сообщила Татьяна Борисовна.

– К двум... – на автомате повторила Полина.

Какого черта? Какого черта пособия прошлого ее настигают?

– Сколько у тебя еще будет таких приемов? – настойчиво спросила у матери.

Женщина непонимающе нахмурилась.

– Вообще два, а дальше будет зависеть от того, насколько быстро мое зрение восстановится. А что, Полин?

– Я хочу купить обратный билет в Питер, – туманно произнесла девушка. – Пошла собираться. Как вернусь, сразу поедem с тобой в больницу. Будь готова.

Устойчивость к стрессам – некая врожденная способность человека, которая либо есть, либо её нет. Как и другие личностные качества ее можно развить: целенаправленно, если того требуют внешние факторы (скажем, вид деятельно-

сти, связанный с постоянными стрессами) или же неосознанно, как у Алексея Воронцова, чья стрессоустойчивость брала свое начало из детства. Выработалась как защитная реакция на окружающий мир.

Что значит быть мужчиной на самом деле парню пришлось узнать рано, взяв на себя ответственность главы семейства Воронцовых, в котором кроме него росли еще две родных сестры младшего возраста.

Тот, кому обязалось нести эту самую ответственность, предпочел задохнуться выхлопными газами в собственной семерке с работающим двигателем в металлическом гараже во дворе пятиэтажки, где проживала многодетная семья. Мужчина уснул прямо за рулем.

Леше Воронцову тогда было четырнадцать лет, когда он первым обнаружил отца под утро, чье розовое лицо было страшнее самой смерти. Оно было как живое. Только холодное. Это лицо потом очень долго снилось парню: обезображенное, неузнаваемое...

Оборачиваясь назад, Воронцову и вспомнить-то про родственника было нечего кроме того, что после работы он ежедневно приходил подшофе. А в день зарплаты – приползал. Как он сам говорил «на автомате», который отключал в прихожей на коврик. Никаких погонять с бате́й мяч на футбольном поле, ни обсудить хоккейный матч, ни разговоров по душам, ни тем более «на сынок, купи себе что-нибудь».

Леша привычно помогал матери оттащить неподъёмное,

грязное, смердящее тело в зал на диван, отпихивал ногой давно смотанный в рулон ковер, отправлял родительницу в спальню к сестрам, а сам укладывался на надувном матрасе в кухне, где начиналось с головы его тело, а заканчивалось торчащими ногами в коридоре, ведущим в прихожую. Пять кухонных квадратных метров, заставленных обиходной утварью и мебелью, делали помещение мизерным, где полноценно умещалась лишь младшая сестра.

После полуночи, проспав несколько нужных ему часов, Виктор Воронцов вспоминал, кто в доме хозяин и баламутил весь подъезд. Крики, визги и грохот становились ни раз поводом для вызова полиции соседями.

Первый раз Леша ударил отца в двенадцать. Одним ударом уложил мужчину «спать» под дикий вопль матери, которая от «получки» до «получки» ходила в побоях. Тогда ему казалось, что мир перевернулся с ног на голову. И то, что мать прижимала мальчишку к груди и благодарила за помощь, не делало Алексея свободнее от вины. Он ее чувствовал. Она, как тень, стояла у него за спиной.

Потому что ... это не помощь... это уродство. Так не должно было быть в некогда приличной семье. Это же неправильно. Такие нездоровые, гнилые отношения неправильно? Он видел, какие должны быть отцы... Дома у Гризманнов видел, как Марк Эдуардович, отец лучшего друга, оперирующий хирург, в очередь под скальпель которого записывались пациенты не только Калининградской области, но и Польши,

Литвы, разговаривает с супругой, видел, какими выстроеными и уважительными были отношения между сыном и отцом и в их семье в целом. Марк Эдуардович всегда встречал Алексея как сына у себя в гостях. Никогда не кичился своим аристократизмом, статусом и достатком перед мальчиком из «неблагополучной семьи», коим называли Воронцова соседки во дворе и учителя в школе, и не запрещал Роберту водиться с приятелем. Марк Эдуардович еще с юношества видел в парне лидерские качества, чего не замечал в собственном сыне. И всегда тихо, перед сном говорил супруге, что из таких, как Воронцов, вырастают настоящие мужчины. Может быть именно поэтому Марк Эдуардович после окончания ребятами вузов, помог им со стартапом. А дальше сами. Дальше друзья карабкались самостоятельно, и позже попытались вернуть должное, на что мудрый Марк Эдуардович лишь усмехнулся и махнул снисходительно рукой. Леша уважал старшего Гризманна и старался не подвести мужчину, впустившего его в дом, где царил уют, уважение и безопасность.

Безопасность – это то, к чему должен стремиться мужчина. Чтобы рядом с ним его семья чувствовала себя защищено.

В своей же семье последние три года Леша видел рыдающую мать, зашуганных забитых сестер, заблеванный палас и прокуренный скисший воздух, отравляющий все живое в их трехкомнатной квартире, выданной когда-то бабушке по от-

цовской линии как лучшей штукатурщице за вредность.

Оказалось, что бить второй раз значительно проще: и рука уже не дрожала, и вина где-то маячила на задворках, глядя на синяки скулящей родительницы и психованных сестер.

А потом Леша уходил.

Когда в квартире устанавливалась благодатная тишина, он уходил.

На район. К пацанам. Перетереть, прикурнуть и поржать. Замутить зарубу и трешачок, чтобы забыться, чтобы не вспоминать кулак и перекошенное отцовское лицо после встречи с ним.

Возвращался по обыкновению под утро и ждал пробуждения отца, когда, оклемавшись, батя начинал просить прощения у семьи и клясться, что то был последний раз. Виктор Воронцов сидел в потной майке с желтыми пятнами подмышками и смотрел сыну в глаза, пытаясь донести свою истину:

– Болею я, сын, – стучал себя по груди человек, чем-то отдаленно похожий на отца. – Ты думаешь, мне хочется пить? Оно здесь, – сжал посиневший сухой кулак, потряс им в воздухе и приложил к сердцу, – здесь сидит занозой. Точит. Просится. Болезнь это, сына. Вот смотри на батьку и будь лучше меня, – философски поучал.

Болезнь... Леша уже тогда смотрел на отца и усмехался. Как ловко свое малодушие, слабоволие и безответственность можно переложить на болезнь. Оправдать себя ею. Ибо так

можно каждое совершенное преступление аргументировать. Списывать на болезнь и прикрываться ею услужливо.

Пару дней старший Воронцов приходил в себя, сидя, как зеленое пустое чучело, в кухне, а потом выходил на работу и уже тем же самым вечером возвращался со стопроцентным объяснением: «Оленька, да мы по рюмахи с Петровичем. Чист как стеклышко, ну».

После смерти непутевого пьяницы-отца семье Воронцовых жить стало легче в плане душевном и физическом, но тяжелее в финансовом. Потому что на то, что батя «накалымет» электриком, семья жила и кормилась.

В четырнадцатилетнем возрасте Леша начал работать. Для этого у него имелись паспорт и злость. Последнее как постфактум: ярая злость на отца, променявшего семью на бутылку, и злость на мать в том числе. В минуты подросткового максимализма и протеста, мальчик ни раз обвинял женщину в трусости и бесхребетности. Ругался, кричал, требовал объяснений. Что она могла найти в обычном работаге, пьянице? Как она могла родить ему троих детей? Почему не ушла? Почему столько времени терпела? За что он должен был носить клеймо сына местного алкоголика, которому сулили за спиной такое же будущее? Он не понимал, почему женщины терпят? Что за долбанное жертвоприношение и покорное смирение с выпавшей женской долей? Кто придумал этот бред?

А мать плакала. Обнимала себя руками и поскуливала.

Поскольку очень сложно было уложить в юной спесивой голове все подводные камни и причины, почему женщина терпит... Когда идти некуда. Когда трое детей на руках. Когда никто и нигде тебя не ждет. Когда в глаза соседям смотреть было стыдно, а не то, что кому-то рассказать, как дома тебя муж по-пьяне колотит. А он... он ведь не был таким. Не всем быть воротничками белыми в казенных зданиях, сидеть за столами дубовыми и брюки протирать из шерсти. Полюбила она его – выпускника техникума, лучшего в бригаде электронщика, в последствии никому ненужного наладчика резисторов, микросхем и волноводов. Потому что мир перевернулся. Спрогрессировал, вытесняя трёхногого транзистора микроскопической вафлей.

А тут друзья такие же сокращенные... и вместе справляться с профнепригодностью оказалось проще и веселее: под бутылочку и под байки рыбацкие. «... а пойти переучиваться, Оль, время нужно и деньги. А ни того, ни другого у нас нет»...

Хваленая Воронцовская стрессоустойчивость треснула еще четыре года назад. Тогда она получила запоминающуюся проверку на прочность, которую, увы, не прошла. Восстановиться ей пришлось долго, но до конца так и не выздоровела. Залаталась немного. Больше временем, чем поступками. А поступки эти как телеге пятое колесо. Чтобы не сделал, зачатую человеческую жизнь не выбросишь, не удалишь, не

сотрешь и не забудешь.

И вот спустя четыре года заплатки не выдержали. Рванули, сдирая кожу.

Позавчера на Верхнем озере, когда увидел девушку. Как удар в пах. С икрами из глаз и в башке хороводами.

Когда она вернулась? Надолго ли? Может уехала уже... как в прошлый раз. На сутки всего в Калининград приезжала, паспорт меняла. Фамилию. Его фамилию проклятую, чтобы ничего ее с ним не связывало. И правильно поступила. Видимо, мужики Воронцовы талантом наследственным обладали – жизни своим женщинам отравлять.

Да мало ли зачем, она приезжала: мать у нее здесь, родня дальняя какая-то. Одно вероятно, с его гнилой душонкой это никак не связано. Только какого черта Гризманн рядом с ней ошивался? Случайно встретились? Почему бы и нет. Он тоже ее случайно встретил... Или не случайно...

Вопросы крутились юлой. И ответы на них требовались срочно. Полину трогать нельзя. Да и уверен Воронцов был, что уехала она уже, нет ее в городе.

Вчера весь день за Робертом бегал. В кофейню приедет – только что уехал в «Карфаген», к клубу дернется – в кофейню отправился. Гонялся за ним, словно тот намерено встречи избегал. Но сегодня они обязательно поговорят. Утро раннее, Алексей знал, что бывший друг любил делать дела с рассветом. Ранняя птица. А он поваляться подольше любил, ночи любил, поздние вечера... С Полинкой на крыше

его тачки сидеть, кофе пить, целоваться, за сигнальными огнями самолетов наблюдать в небе ночном. Их над Калининградом много летает. Бывало, поднимешь голову в высь, а там истребители тебя охраняют. Земли родные, сны детские. И кажется, что вот-вот прямо над тобой белые борозды растворяются, а нет. Оптический обман это. Глиссады за городом.

Громкие гудки разрушили тишину салона. Воронцов глянул на приборную панель, чтобы узнать, кто его спозаранку вызывает, и выругался вслух.

Не хотел брать. Сейчас этот голос весь настрой испортит, и день под откос покатится. Нажал на сенсорном экране «отклонить» и поворотник включил. До «Карфагена» пару переулков оставалось.

Спустя три секунды звонки возобновились: дотошно, настойчиво, дерзко.

«С хрена ли тебе надо?» – пробубнил Алексей и принял вызов, а иначе допечет, кишки вытрахает.

– Слушаю, – рявкнул по громкой связи.

– Ну и манеры, – фыркнул женский голос на том проводе, – не учили здороваться? – поучительно.

– Ты мне звонишь, чтобы спросить об этом? – недовольно проскрипел Воронцов, чувствуя, как ненависть к этому человеку поднимается с удвоенной силой. Чуть меньше двух лет назад он, преодолевая этой яростью, как-то смог договориться с собой, чтобы принять, но встреча с Полиной откры-

ла затворы и выпустила тени прошлого.

– Не смей мне хамить, Воронцов! – обиженно вскрикнула девушка. – Если ты помнишь, мы с тобой договорились: когда я тебе звоню, ты всегда берешь трубку.

Такое действительно было. Уговор, что звонить она ему будет исключительно касаясь ребенка, в остальных случаях они – чужие друг другу люди.

– Ближе к делу, – устало выдохнул, потому что каким бы ни было отношение к матери его сына, в этом случае не поспоришь. – Что случилось?

– Мне нужно, чтобы ты отвез нас к врачу, – прошелестела тоном превосходства, считая, что имеет над Воронцовым власть.

Да и к чему лукавить и врать самому себе, когда такова была истина. Леша словно крепкими наручниками был привязан, пришит, потому что *ребёнок – это сверхмощное оружие в руках женщины*.

– Тебе нужно? А что, дойти до поликлиники в соседнем дворе уже для тебя не комильфо?

– Не придирайся к словам. Нам нужно. Твоему *сыну* нужно, – настойчиво выделила слово, каждый раз играя им на совести Воронцова. – И не в детскую поликлинику, а в медцентр «Мать и дитя». Там принимает лучший детский лор.

Воронцов выгнул бровь. Когда они обращались в один из самых крутых и специализированных медцентров города, значит, врачи районной поликлиники не справлялись, как

пыталась донести до него мать его ребенка. Но у Воронцова давно сложилось свое понимание: таким образом она искала с ним встречи.

– Что-то с Гошей? В среду с ним было все в порядке, когда мы гуляли, – остановился на красном светофоре.

Ехидный смех разразил салон.

– Откуда ты можешь знать? Ты видишь его как часто, Воронцов? Да если бы у него все лицо было в красных пятнах, ты даже этого бы не заметил, —истерически запричитала девушка.

– Херню не неси, – перебил поток обвинений. – Ладно, – легче уступить, чем слушать понос, – во сколько прием?

– Через сорок минут.

– Что, блть? – Алексей от изумления выжал педаль газа, чуть не въехав в задницу Тойоты, но вовремя сориентировался. – Издеваешься? А ты не могла меня заранее ввести в курс дела, нет? Ниче, что у меня работа?

– Значит не могла, Воронцов. У этого врача свободных окон вообще нет до конца месяца, а сегодня освободилось чье-то время. – Алексей вновь нецензурно выругался, пренебрегая женщиной на проводе. Припарковался к обочине и включил аварийку. Вон, за тем супермаркетом «Карфаген». Там, он был уверен, находился Гризманн. Там находились ответы. – А у тебя всегда будет твоя работа. Никуда она от тебя не убежит.

И тут Воронцов сорвался. Руль стиснул, представляя шею

женщины, родившей ему сына. Идеальные, твою мать, родители.

– И кто, блть, мне это говорит? Человек, ни хера не работавший за свою жизнь ни дня? Может, тебе напомнить, на чьи бабки ты с подружками по шмоткам катаешься? Так те деньги я на сына даю. Не тебе. Поэтому закрой свой рот. Через десять минут жду во дворе, – прервал звонок, не давая девушке вставить ни слова.

Грузно выдохнул. Вся ненависть и отчаяние сквозь ребра просачивались. Сжал кулаки. До хруста. И посмотрел с тоской за угол супермаркета. Вновь она его от Полины отгораживает. Вновь себя выбирать заставляет.

Глава 11.

Видимо, в экране телефона было настолько что-то важное, что девушка не заметила, как рядом с ней припарковался Воронцов. Она стояла на обочине напротив подъезда, скрестив голые ноги в шиколотках.

Мимолетно пробежавшись во внешнем виде девушки, Алексей в который раз убедился, что материнством она не напряжена: джинсовая короткая юбка, заправленная в нее розовая шифоновая блузка, идеальное ухоженное лицо и длинные светлые волосы, гладко и ровно выпрямленные, как после салона. Высокий каблук аккуратных босоножек и макияж смутно ассоциировались с мамашкой трехлетки, собравшейся впопыхах к врачу. Очевидность подобного преобразования настолько раздражала, что разговор, который давно стоял на повестке, сегодня непременно должен будет случиться. Откладывать его смысла нет, а в свете последних событий, так в особенности.

Нужно выдохнуть.

Конкретно сейчас затевать беседу с расстановками берегов Алексей не собирался, потому что сдерживаться в речах – совершенно не тот формат, который Воронцов планировал использовать в общении с матерью его сына, и абсолютно не то, что предназначалось слышать детским ушам.

Гоша...

Воронцов, не выходя из машины, подался корпусом вперед, впиваясь грудью в руль. Рядом с девушкой ребенка не было. Огляделся по сторонам.

Мысль о том, что она спекулирует сыном, чтобы притащить его сюда, Воронцов отмел сразу. Потому что она должна представлять, какими могут быть последствия. Хотя... что он мог знать? Откуда? Он практически ее не знал. И что творится в ее голове и насколько она дура, тоже спрогнозировать было сложно. Она либо при встрече соловьем перед ним заливалась, либо проклятиями осыпала.

Алексей заглушил двигатель и вышел из машины. Свежесть утра пробралась под футболку, принуждая поежиться.

– Где Гоша? – остановился рядом с девушкой, поглощенной экраном.

Блондинка дернулась, заторможенно оторвалась от телефона, вскидывая взгляд на Воронцова, а затем непонимающе уставилась вниз.

– Тут был... – неопределенно ответила и закрутила головой по сторонам. – Гоша?! – позвала.

Воронцов напрягся.

В смысле – тут был?

Тугим узлом скрутилось в груди.

– Идиотка, – ядовито выплюнул, когда через дорогу на детской площадке заметил одного единственного в такой ранний утренний час ребенка, карабкающегося по лестнице

на горку, не подразумевающую трехлетний возраст.

Ребенок с усердием цеплялся за верхнюю лесенку ручонкой, подтягивался и переставлял ножки.

Алексей, чувствуя, как сердце срывается к пяткам, рванул вперед под истерический визг сзади:

– Гоша! Гоша нельзя! – завопила девушка, пугая мальчика.

Ребёнок дернулся и попытался обернуться, ступая ножкой мимо ступеньки. Вцепился хилыми ручонками в деревянную дощечку и повис, брыкаясь в воздухе ножками.

Детский резкий вскрик, а за ним и испуганный плач, как удар хлыста по загривку, подстегнули Воронцова устремиться на максималках и успеть поймать сына практически у резинового настила.

«Сука! Тупая дура!» – протестовало все внутри. Прорывалось сквозь грудину.

Сидя на корточках, Алексей прижимал всхлипывающего ребенка и гладил по светлым кудряшкам, успокаивая. Мальчик плакал тихо и сдержанно. Всегда. Ни как обычные дети – неконтролируемо закатываясь истерикой во все горло, он плакал скупно и боязливо.

– Тихо, тишш, приятель, ну всё! – монотонно шипел на ушко Леша.

Пока мамаша перепрыгивала через швы асфальтной плитки, боясь угодить в них каблуками, Воронцов душил ее глазами.

– Почему он плачет? Он что, ударился? – склонилась над ними девушка, поправив миниатюрную сумочку на плече.

– Ты больная? – рявкнул Алексей. – Он испугался, идиотка. Твоего визга.

– Не смей меня оскорблять, Воронцов, – ткнула в парня пальцем укоризненно.

– Какого хрена ты оставила его без присмотра?

– Он был под присмотром, – заорала девушка. Она чувствовала вину. Внутри себя. Но никогда никому в этом не признается. – Я отвлеклась всего на одно сообщение, а он...

– То есть ты пытаешься переложить ответственность на трехлетнего ребёнка? – перебил Воронцов. – Ты, блть, в своем уме? – не стесняясь в выражениях, цедил сквозь зубы мужчина.

– Не ори на меня. И перестань материться при ребенке. Ты его пугаешь, – посмотрела на сына, который молчал и больше не плакал, уткнувшись носом в отцовское плечо.

Обняв Алексея за шею, мальчик крохотными ручками водил по спине мужчины, словно успокаивать требовалась не его самого, а отца.

Воронцов бросил в девушку предупреждающий взгляд и промолчал. Но не потому, что ему нечего было ответить и он схавал претензию. Сказать ему было что и много. Только не при ребенке, в этом она была права.

– Гоша, иди к маме, – вытянула руки девушка, приглашая ребёнка в них.

Мальчик теснее прижался к отцу. Напряг слабые ручонки, карябая шею.

– Иди домой, – Алексей поднялся вместе с сыном на руках. Посадил мальчонку на сгиб локтя, придерживая за плечико. – Я сам с ним съезжу, – двинулся к машине. – Приеду, поговорим, – бросил через плечо.

Ее шаги торопливо семенили за ними следом.

– Что значит сам? Ты обнаглел? Воронцов, стой! Ты не знаешь, что говорить врачу, – верещала блондинка, еле поспевая.

Алексей открыл заднюю дверь внедорожника и одной рукой подхватил детское кресло. Мальчик внимательно следил за движениями отца, нахмурив светлые, как топленое молоко, брови. Воткнув кресло между коленями, Леша открыл переднюю дверь и опустил детское сиденье на пассажирское место.

– Что ты делаешь? – запищала где-то за спиной девушка. – Ты повезешь Гошу на переднем кресле? – голос приобрёл визгливые высокие ноты. – Ты спятил?

Мальчик обернулся на голос матери и порицательно посмотрел, словно критика действий его отца не имела правовой основы.

– Это же не безопасно! – привела основательный довод и всплеснула руками.

– Не опасней, чем находиться рядом с тобой, – не обращившись, отчеканил Воронцов и усадил ребенка в кресло.

Подмигнул мальчишке и взялся за ремни. – Че, приятель, покатаемся как взрослые мужики, ммм?

Мальчик молчал. На лице сведённые вместе бровки ни о чем не говорили, но болтающиеся в воздухе ножки, убедительно подсказали, что предстоящая перспектива мальчишку устраивает.

– Да что ты себе позволяешь? Я его мать! Ты считаешь, что я могу причинить вред своему ребенку? – ультразвуком запрочитала девушка.

– Ты уже это сделала, – флегматично отрапортовал Алексей и закрыл пассажирскую дверь, отрезая малого от вопящей матери.

Обошел капот, намереваясь сесть в машину.

– Ты свинья, Воронцов! – блондинка дернула на себя заднюю дверь и запрыгнула в салон. – Я поеду с сыном к врачу, – воинственно сложила руки на груди, намекая, что ее позиция бесповоротна и основательна.

– Из машины вышла, – опустив руки на руль, Алексей смотрел в зеркало заднего вида, поймав в нем изумленный взгляд девушки. – Повторяю: я съезжу с ним сам.

– Да что же ты упертый баран такой! – заорала блондинка, вновь пугая ребенка: бровки съехали на нос, подбородок задрожал, а вокруг губ проявилась синюшность.

Воронцов сощурился. Подобное у Гоши он ни раз замечал. Че за хрень?

– Перестань орать, – сдержанно пресек девушку.

Алексей смотрел на сына. Маленькие ручки вцепились в ремни безопасности.

Точно в них он искал ту самую безопасность.

– Ты не знаешь, что говорить врачу, у тебя нет анализов, ты... – не слыша никого вокруг себя, перечисляла блондинка.

– Где его анализы? – обернулся.

– Они в электронном виде. У меня на почте.

– Сбрось мне.

– Я не буду этого делать. Я поеду с вами, – безапелляционно отвернулась к окну.

В голове Воронцова вертелись тысячи междометий и миллионы ругательств, которые умоляли рвануть из его рта. Если бы не ребёнок... если бы...

Ну не выволакивать же ее из машины?

Чтобы это видел его сын?

Как когда-то он, пацаном, смотрел, как отец заносил кулак на мать и ничего не мог сделать? Ни хера.

Его сын видеть такое уродство не будет. Никогда. При любых обстоятельствах. Какой бы стервой ни была его мать, ребенок не должен видеть насилия.

– Черт с тобой, – прошипел Воронцов и завел движок.

Глава 12.

– Значит, вы говорите, что последний раз секс у вас был четыре года назад? – вглядываясь в экран ноутбука, спросила врач-гинеколог, активно клацая по клавиатуре.

Четыре года назад.

Последний, да, о котором вспоминать не хотелось, но и стереть никак не выходило. Никакого удовольствия, ничего, кроме брезгливости к себе. Кроме шаркающих липких рук под ее юбкой в кабинке какого-то ночного клуба в пьяной полудреме. Больше она платья и юбки не надевала.

С тех пор.

И ничего не помнила, помимо чувства омерзения. А по-другому в тот момент она бы не справилась. С собой. Потому что, если бы он приехал за ней, она бы простила, через себя переступила, но простила. Глупая была. Наивная и до беспамятства влюблённая. А так больше не было той чистой Полины, которой он дорожил. Точнее, всегда говорил, как очарован был ее чистотой. И возвращаться б не к кому было.

Но он и не приехал за ней... даже не искал...

– Да, – лаконично ответила Полина. Чувства смущенности и неловкости перед врачом не было. Она давно научилась говорить как есть. Да и к чему лукавить, если она самостоятельно пришла за врачебной помощью.

У женщины в голубом спецкостюме на лице не дернулся ни один мускул: ни удивления, ни пренебрежение, ни снисхождения. Вот, что значит, когда прием был платным: не обязательно, что профессионально помогут, но оближут по высшему разряду и должный комфорт обеспечат!

– Менструальный цикл регулярный? – все также невозмутимо спрашивала врач.

– Нет.

– Болезненные ощущения во время менструации?

– Бывают.

– Бессонница?

– Да.

Бессонницей Полина страдала. Постоянно и мучительно. Вот только не понятно, связано ли это было с отсутствием сексуальной жизни или всё же с отголосками прошлого, которое по ночам обострялось.

– Кожные высыпания?

Полина отчего-то опустила голову и посмотрела на открытый участок тела чуть выше выреза футболки, хотя прекрасно знала, что ничем подобным она не страдала.

– Нет.

– Появление нежелательных волос на лице и теле?

У Полины округлились глаза. На мгновение она представила себя со щетиной на и с грубыми жёсткими волосами на груди. Девушку передёрнуло. Отрицательно замотала головой, словно избавляясь от тех самых нежелательных волос.

– Нет, – поспешно добавила, потому как вряд ли врач могла заметить ее действия, поскольку женщина не отрывалась от экрана.

– Агрессивность, неврозы?

Да что ж этакое?!

Полина вгляделась на бейдж врача.

Она точно пришла по адресу?

Складывалось впечатление, будто она сидит как минимум на приеме у психолога, как максимум у сексолога. Но бейдж красноречиво уточнил: акушер-гинеколог.

Агрессивность... неврозы...

Полина задумалась.

Агрессивность как предрасположенность с целью причинения кому-то вреда?

Нет.

Скорее агрессия как устойчивая ответная реакция на раздражитель. Например, на мать. Это стоит считать агрессивностью?

А неврозы – да. Но с ними Полина научилась бороться, а именно...

– Я курю, – вместо конкретного ответа выдала девушка.

Пальцы врача зависли над клавишами. Женщина повернулась к девушке, кажется, впервые за весь прием и осмотрела с головы до выглядывающей из-за стола части тела.

– Вы курите, чтобы справиться с приступами нервного напряжения?

Полина вновь бросила взгляд на бейдж. Всё тот же акушер-гинеколог. Без изменений.

– Скорее всего да.

– И давно вы начали курить? – женщина заинтересованно развернулась к девушке всем корпусом, вытянув по столу руки и скрестив их в замок.

– Четыре года назад.

Долбанных четыре года назад с ней впервые произошло всё, что никогда не пожелаешь.

– Этому что-то способствовало?

Этому способствовало многое: цепочка событий, влекущих за собой последствия.

Мы сейчас будем говорить об этом?

Полина начала раздражаться.

Черт возьми, она же не на сеансе у психотерапевта!

Она пришла к женскому врачу за профессиональной помощью, а не для того, чтобы копались в ее нижнем белье, которое следовало бы уже давно снять, и осмотреть ее на кресле.

– Развод с мужем, – рявкнула так, что испугалась сама. – Бывшим мужем, – просипела уже не так смело.

Женщина повела бровью. Крутанулась на кресле, вновь забегала по клавиатуре:

– Агрессивность присутствует, – прошептала под нос, но Полина расслышала. – Раздевайтесь за ширмой.

Вот черт. Но с другой стороны Макеевой было плевать, что врачиха о ней подумала. Мнение окружающий перестало волновать девушку все те же четыре года назад.

– Полина Дмитриевна, вам нужно сдать анализы на гормоны. Но дело в том, что они в пакет вашей страховки не входят. Я могу, конечно, отправить запрос на согласование в вашу страховую, но не могу сказать точно, насколько процесс может затянуться, – пояснила врач и посмотрела на девушку вопросительно.

– А если платно? – уточнила Полина.

– Можно платно. Но я бы попробовала со страховой. Выходит приличная сумма.

– А как долго ждать?

– Ну если я отправлю письмо сегодня, – женщина взглянула на настольный календарь. – Так... сегодня пятница. В выходные явно никто не согласует, – рассуждала женщина сама с собой, – думаю в понедельник – вторник.

– А потом?

– Потом вы идете сдавать анализы. Опять же, – врач кивнула на листок в руках Полины, – каждый анализ сдается в определенный день цикла.

Девушка посмотрела на бумаги. Действительно. Анализов было много, и каждый следовало высчитывать, исходя из «красных дней».

Черт. Это плохо. Так долго она не собиралась находиться

в Калининграде. А что, если ей сдать в Питере?

– Хорошо. Я поняла. Давайтеждемся ответа от страхово-
вой, а дальше я подумаю, как быть, – Полина свернула ли-
сток вдвое и сунула в сумку.

– Полина Дмитриевна, я бы вам посоветовала, не прене-
брегать своим женским здоровьем и довести этот вопрос до
конца.

– Я поняла, – повторила девушка. – Спасибо, – встала со
стула.

– Всего хорошего, – дружелюбно пожелала врач.

– Спасибо. И вам. До свидания.

Полина двинулась в сторону двери, потянулась к ручке,
но замешкала. Обернулась:

– Извините, – дождалась, пока врач обратит на нее внима-
ния. – А сейчас? Какие-то есть рекомендации, назначения? –
кроме анализов, в направлении ничего не было. Хоть бы ви-
тамины, может, какие прописала. Ничего.

Женщина откинулась на спинку кресла. Постучала паль-
цами по столу задумчиво:

– Займитесь сексом, – пожала плечами и улыбнулась. – С
мужчиной.

От этого уточнения у Полины вспыхнули щеки.

Глава 13.

Смутить Макееву, отчужденную и странную девушку, ко- ей ее считали коллеги, с которыми закрытая Полина не сплетничала, не ходила на корпоративы и вела себя крайне обособленно, не смог даже Серега, главный упоротый баб- ник отдела, когда в обеденный перерыв рассказывал мужи- кам о тройнячке, в котором тот принимал непосредствен- ное активное участие. На корпоративной кухне, где имелась микроволновка, девушка в этот момент невозмутимо грела себе обед под насмешливые взгляды мужчин. А, казалось бы, вполне себе посредственная фраза «заняться сексом с муж- чиной» вызвала в Полине целый фонтан негодования.

С мужчиной!

Полина не собиралась хлопать так откровенно дверью, но вышло неудачно громко. Теперь точно врачаха решит, что она психованная, неудовлетворенная, агрессивная ханжа!

Ну и пусть!

С мужчиной... Она что, решила, что Полина восполня- ла отсутствие мужчины чем-то другим? От понимания этого девушка брезгливо передернула плечами.

«С мужчиной!» – повторяла себе под нос Макеева, – да где его взять-то? Настоящего мужчину!» – бурчала и неслась по коридору.

И вообще, зачем она об этом думала?

«Для здоровья!» – подзуживал внутренний голос тоном врачихи.

К черту!

Как будто это так легко? Переспать с первым встречным? Первый встречный у нее уже был, и слава Богу она его не помнит, кроме потных и холодных рук, стягивающих с нее трусы. Нет, так безрассудно она больше никогда не поступит. Тогда были причины. Сейчас – необходимость. Но не такая, чтобы отдаваться первому встречному.

Да и как это вообще сделать? Какой возможен эффект от механических действий, удовольствия от которых она смогла бы вряд ли получить? Может, она вообще больше не способна на близость? Это же не в туалет сходить. Это... ощущения! А способна ли она их получить и подарить соответственно?

Полина сомневалась. Казалось, что в ней надорвалось всё: сексуальность, чувственность, женственность... Она ничего подобного больше не чувствовала в себе. Такой она ощущала себя только с ним. Он смог показать, как любить и быть любимой, сгорать в руках и быть открытой настолько, чтобы не стесняться наготы, чтобы принимать свое неидеальное, как считала сама Полина, тело. А он его боготворил. Никогда не молчал. Осыпал восхищениями, ласками. Он умел показать и доказать, насколько она совершенна.

И Полина верила... пока не оказалось, что совершеннее

всё-таки есть...

Ну спасибо, уважаемая Оксана Федоровна, помогла так помогла! Сумела всё-таки выудить с верхней полки чемодан с прошлым. Полина и так его с трудом туда запихала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.